

СЕРАЯ ЗОНА

РОМАН¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАКС

1

Макс Адлер взглянул на светящийся циферблат. Часы показывали полночь. Он лежал с закрытыми глазами уже больше часа, ворочался с боку на бок, но сон не приходил. В голове против воли прокручивались события прошедшего дня, обрывки случайных разговоров, потом вдруг возникали какие-то странные, непонятные видения, и воображение уносило его в надуманный мир ночных фантазий. Это было то сумеречное время суток, когда человек уже не бодрствует, но ещё не спит. От сознания того, что ночные часы бегут неумолимо и что на сон остаётся всё меньше времени, попытки заснуть становились особенно мучительными. Он снова и снова отдавал напрасные приказы кому-то, сидевшему внутри него и отказывавшемуся повиноваться – «спать, спать, перестать думать!» Но этот «кто-то» будто издевался над ним и продолжал своё чёрное дело. Наконец, изнурённый борьбой с самим собой, он заснул неглубоким тревожным сном... Наступил первый майский вторник 199... года, судьбоносный день в его жизни.

Бессонница началась у Макса внезапно, около двух лет назад. Раньше он не знал, что это такое. Он всегда ложился в половине одиннадцатого, минут двадцать читал перед сном, потом выключал свет, поворачивался на правый бок и через три-четыре минуты засыпал. Сон его был спокойным и крепким, без сновидений или ночных пробуждений, и заканчивался в шесть утра. Будильник ему не требовался. Сколько он себя помнил, это время, минута в минуту, было запрограммировано в нём каким-то непостижимым образом. Макс открывал глаза, переворачивался на спину и лежал минуты две неподвижно. Затем резко откидывал одеяло, вставал и начинал утреннюю рутину, доведённую до автоматизма. Она включала обязательную получасовую гимнастику, холодный душ и лёгкий завтрак, состоявший из грейпфрута, кофе с молоком и поджаренных в тостере двух ломтиков белого хлеба с твёрдым сыром. В семь двадцать, гладко выбритый и безупречно одетый, он спускался в гараж под домом, садился в серебристую «ауди» и отправлялся на работу.

Жил Макс на окраине Кирлингерского леса, в маленьком живописном городке Вейдлинг, расположенном среди холмов и виноградников северного предместья Вены. Сначала он выезжал в сторону Дуная по узкой извилистой Демгассе, которая

¹ Продолжение. Начало см. в №№ 8, 9.

через шестьсот метров переходила в более широкую и прямую Брандмейерштрассе, а затем поворачивал на юг вдоль реки по магистральной Хейлингенштрассе. Он доезжал до Северного моста, пересекал по нему Дунай и попадал в левобережный район Флорисдорф. Этот отрезок пути занимал обычно двадцать минут. Ещё десять минут уходило, чтобы доехать по Бруннерштрассе до просторного компаунда нефтяной компании «Эрдойль Гезельшафт», где Макс работал старшим специалистом в отделе зарубежной разведки. Он отвечал за операции компании в Юго-Восточной Азии и Австралии. В его обязанности входила оценка нефтяного потенциала этих регионов, составление разведочных проектов и контроль за их выполнением. Такая работа требовала досконального знания не только геологии и технологии разведки, но также нефтяного рынка, инфраструктуры и политической обстановки в странах, где проводились поиски. Макс хорошо разбирался в сложном переплетении столь многообразных факторов, от которых зависел успех нефтяного бизнеса. То, чем он занимался, было, по его убеждению, лучшим из всех возможных сочетаний в профессии разведчика. С одной стороны, он не мыслил свою жизнь вне геологии, которую считал одной из трёх самых увлекательных научных областей, наряду с астрономией и биологией. С другой стороны, возможность бывать в разных странах отвечала его страсти к путешествиям. «Достоин одобрения тот, кто соединяет полезное с приятным», – эти слова Горация он сделал своим девизом.

Но главным, конечно, было то, что его проекты и рекомендации приводили к открытию новых месторождений. Обязательные ежегодные оценки результатов работы, хранившиеся в его личном файле в отделе кадров, отражали эти успехи и были составлены в самых лестных выражениях. Поэтому у Макса была безупречная профессиональная репутация. А поскольку все знали, что он не претендует на какие-либо административные должности, то отношения с коллегами были дружеские и корректные. Впрочем, если требовалось, Макс умел быть жёстким и непреклонным. И это тоже все знали.

По существу, работа занимала главное место в жизни Макса Адлера. В то же время его нельзя было назвать трудоголиком, которого ничто другое не интересует. Раз в месяц он обязательно бывал в оперном театре, не пропускал интересные выставки и концерты. А зимний отпуск проводил обычно в Альпах, на горных лыжах. Такая счастливая гармония между работой, отдыхом и теми занятиями, которые доставляли ему удовольствие и даже радость, сложилась как-то сама собой, без особых усилий с его стороны. С годами она определила и общий стиль жизни Макса.

Возвратившись с работы, он переодевался в спортивный костюм и совершал часовую пробежку по аллеям и тропинкам Кирлингерского леса, образующего северную, наименее людную часть обширного Венского лесного массива. Потом принимал душ, ужинал в небольшом ресторанчике недалеко от дома, а оставшееся до сна время либо читал, либо смотрел телевизор, предпочитая научные программы или «Нэшнл джиографик».

Из того, что читателю уже известно о нашем герое, нетрудно догадаться, что жил он один. С женой Макс развёлся пять лет назад. Детей у них не было. Не было у него и близких родственников. В Израиле и Канаде жила какая-то дальняя родня, но связь с ними давно оборвалась. После развода стали постепенно ослабевать, а затем и вовсе прекратились приятельские отношения с несколькими супружескими парами, входившими в их общий с женой круг знакомых... Когда-то давно, более двадцати лет назад, была у Макса девушка по имени Джулия. Они идеально подходили друг другу и физически, и духовно, и интеллектуально. Джулия, талантливая балерина, была моложе Макса на десять лет, и им казалось, что это единственное различие между ними. Но они забыли о другом различии –

семья Джулии была очень богата, принадлежала к элите общества. Брак дочери с Максом не входил в планы её родителей, и их заставили расстаться. Джулия вышла замуж за кого-то из своего круга, и Макс вычеркнул её из своей жизни. Но не из памяти. Этот урок социального неравенства он запомнил навсегда...

Такой образ жизни, возникший исключительно в силу сложившихся обстоятельств, вовсе не говорит о нелюдимости Макса или склонности к одиночеству. Он любил и ценил содержательное человеческое общение, но считал, что подлинные друзья появляются лишь в молодые годы, а в зрелом возрасте поздно навёрстывать упущенное. Так уж получилось, что судьба не свела его тогда со сверстниками, близкими по духу и интересам. Молодость Макса совпала со сложным историческим временем, да и проходила она в условиях, не способствовавших возникновению прочных дружеских связей. Однако он не видел здесь особой проблемы и не испытывал от этого какого-либо дискомфорта, ибо принадлежал к тому типу людей, которых называют самодостаточными. Интересная работа, увлекательная книга, хороший концерт, горные лыжи, путешествия – всё это целиком заполняло его жизнь. Он не считал, что слушать музыку, кататься на лыжах или путешествовать нужно обязательно в обществе знакомых. Наоборот, наибольшее удовольствие он получал, делая это один.

После развода Макс не тяготился одиночеством, а, напротив, обнаружил в нём неоспоримые удобства и преимущества. Впрочем, он был далёк от того, чтобы лишать себя насущных физиологических потребностей. Дважды в неделю, в среду и пятницу, он брал с собой в машину свежую тщательно выглаженную рубашку и смену нижнего белья. В эти дни он не ночевал дома, а наносил визит фрау Эльзе, молодой пышнотелой вдове, знавшей толк в любви. Макс дорожил их добрыми стабильными отношениями, а она считала его внимательным и заботливым другом, каким он и был на самом деле. Их обоим устраивала эта прочная привязанность без каких-либо взаимных обязательств. В дни этих визитов приходила женщина, которая убирала его дом, покупала продукты и относила бельё в прачечную.

Однако мы немного отвлеклись и забыли, что в начале рассказа речь шла вовсе не о среде и пятнице, а о некоем конкретном вторнике в мае 199... года, который, казалось, ничем не отличался от всех прочих рабочих дней недели. Как обычно, Макс проснулся в шесть утра, несмотря на то, что заснул поздно. Он полежал пару минут на спине, затем откинул одеяло, сел на кровати, свесил ноги и нащупал шлёпанцы. Он уже готовился было встать и приступить к утренней рутине, как вдруг ощутил какую-то непривычную и ещё не вполне осознанную пустоту. Что-то было в это утро не таким, как всегда. Макс окончательно стряхнул с себя остатки сна и только тогда вспомнил, чем именно было вызвано такое ощущение. С этого дня его жизнь резко и бесповоротно изменилась. Ему больше не надо было, как это происходило на протяжении последних двух десятилетий, выезжать в семь двадцать на Демгассе, в семь сорок пересекать Дунай по Северному мосту и без десяти восемь парковать свою «ауди» около офиса компании. С сегодняшнего дня он был уволен. В возрасте пятидесяти пяти лет он стал безработным. А поскольку «Эрдойль Гезельшафт» была единственной нефтяной компанией в Австрии, то поиски новой работы теперь могли быть связаны только с иностранными фирмами. Для этого нужно было рассылать письма и документы, ездить на интервью. Но Макс чувствовал себя настолько опустошённым, что был не в состоянии заниматься такими делами. Кроме того, он понимал, что в его возрасте найти работу будет нелегко. Последние годы он работал с огромным физическим напряжением, зачастую по шестнадцать часов в сутки. Поэтому его единственным желанием было отдохнуть, обрести прежнюю форму и на какое-то время отключиться от всяких служебных забот.

Увольнение не было для Макса полной неожиданностью. Он знал о неизбежности этого события и готовился к нему на протяжении почти трёх лет, вскоре после того, как в компании появился Дейв Пауэлл, новый вице-президент по зарубежной разведке. Как человек разумный и уравновешенный, он был уверен, что встретит этот день с философским спокойствием и достоинством, без ненужных эмоций и надрыва. Однако он даже представить себе не мог, каким трудным и опустошающим будет первое утро его новой жизни. Не первый месяц, не первая неделя и даже не первый день, а почему-то именно утро, которое вообще не играло никакой роли в его планах и размышлениях. В сущности, что такое утро? Всего лишь момент пробуждения, краткий отрезок времени между сном и долгим активным днём, какие-то шестьдесят минут, когда человек вообще ни о чём значительном не думает, а действует машинально по давно заведенному распорядку – идёт в туалет, умывается, чистит зубы, бреется, делает гимнастику, принимает душ, завтракает. Мысли, а с ними и проблемы приходят потом, когда он погружается в суету дня, сталкивается с необходимостью что-то обдумывать, принимать какие-то решения, действовать. И вот это первое утро его жизни безработного наступило... Макс сидел на кровати, свесив ноги, поставив их на шлёпанцы, и никак не мог решить, что же делать дальше. Такой странный вопрос перед ним никогда ещё не возникал. Он был совершенно не готов к нему. Что-то вдруг рухнуло и ушло безвозвратно. И это была даже не сама работа, к которой его мысли будут ещё не раз возвращаться, а всего лишь ежедневная утренняя рутина, которую он прежде вообще не замечал...

Макс не знал, сколько времени просидел на кровати в состоянии какого-то постыдного оцепенения – десять, двадцать, тридцать минут? Наконец, он заставил себя встать и проделать все те утренние процедуры, которые раньше выполнялись им с автоматизмом робота и поэтому не задерживались в памяти. Он никогда до этого не задумывался даже об их последовательности. Но сейчас он вдруг засомневался, что следует делать в первую очередь – чистить зубы или бриться? После некоторого раздумья он всё-таки сначала почистил зубы. Затем не спеша проделал всю утреннюю рутину, завершившуюся завтраком, вымыл посуду и оделся. Это заняло у него немислимо долгое время – более двух часов. Закончив дела, он спустился в гараж, сел в машину и выехал на Демгассе. Он доехал до Хейлингенштрассе и остановился на обочине. Постояв минут пять, двинулся дальше, но на ближайшем перекрестке развернулся и поехал обратно. Справедливости ради надо сказать, что уже садясь в машину, Макс поймал себя на мысли, что делает что-то не то, затевает какой-то самообман, какую-то детскую игру с самим собой. Но противиться такому необъяснимому желанию не стал. Ему было любопытно увидеть как бы со стороны, чем всё это закончится.

Итак, он вернулся, поставил машину в гараж и поднялся в дом. Снял костюм, равязал галстук и облачился в серый стёганный халат. Наивная попытка вырваться из цепкого капкана жизни безработного закончилась нелепым конфузом. Больше он такие глупости делать не будет. То, что произошло в это утро, было отражением внезапного замешательства и утраты чувства реальности, которые совершенно выбили Макса из привычной жизненной колеи.

Около часа потребовалось ему, чтобы привести мысли в порядок и начать обдумывать что-то, отдалённо напоминающее план или программу действий на ближайшие месяцы. Без особых сомнений и колебаний он решил, что прежде всего отправится в долгое путешествие. Во-первых, Макс нуждался в смене обстановки, а во-вторых, он давно мечтал о такой поездке. Путешествия были одним из его главных увлечений. Он побывал во многих странах, но заветным желанием оставалось добраться до экзотических рифовых атоллов Тихого океана с такими таинственными и завораживающими названиями, как Кваджалейн, Раротонга, Капингамаранги. И вот теперь самое время сделать это. Ещё в школьные годы Макс придумал

для себя увлекательную игру. Брал контурную карту мира и стряхивал чернила с перьевой ручки на акватории океанов. На бумаге появлялись кляксы самых разных размеров и очертаний. Он обводил их и воображал, что это неведомые острова. Затем придумывал им названия, наносил в глубине залитов и бухт портовые города и рыбацкие деревушки, связывал их дорогами. Иногда из островов возникали целые архипелаги. Тогда он возводил их в ранг государств, соединял порты между собой и с окружающими континентами пунктирными линиями, воображая их судоходными трассами, и начинал путешествовать. Так появился у него на всю жизнь интерес к географии, а потом и к геологии.

...Вдруг, будто в виде компенсации за постыдное оцепенение, охватившее его утром, Макс захотелось делать всё быстро, энергично, не откладывая на завтра. Он подошёл к книжному шкафу и начал снимать с полок книги и туристические проспекты, касавшиеся Тихого океана. Часть этой литературы была сложена двумя высокими стопками наверху шкафа, и пришлось принести лестницу, чтобы достать её. Разобрав книги, он увидел около стены чёрный цилиндрический футляр. Макс снял его, вытер пыль, извлёк находившийся внутри рулон ватмана и присвистнул от неожиданности. На ватмане было вычерчено генеалогическое древо двух семей, Адлеров и Ландау, которое когда-то давно составили его родители, а затем сам Макс дополнил недостававшими данными. Эта изображённая графически семейная хроника пролежала на шкафу так долго, что Макс совершенно забыл о ней. Была какая-то таинственная предопределённость в том, что он обнаружил её в столь не простой для себя день, будто многочисленные предки решили именно сейчас напомнить ему о себе и сообщить некий важный семейный секрет.

Макс развернул рулон на столе, придавил углы книгами и стал с интересом рассматривать свою родословную. Теперь он воспринимал её не так, как тогда, около тридцати лет назад, когда увидел впервые. От того первого знакомства с генеалогическим древом остались лишь смутные воспоминания о множестве имён, которые смешались у него в голове и которые он даже не пытался расположить по степени родства и соотнести с самим собой. Многочисленные Альфреды, Юлиусы, Теодоры, Розы, Клары, Эммы... Те из них, кто составлял одну ветвь древа, не знали о существовании другой ветви, ибо принадлежали к двум разным семейным кланам, соединившимся в некое виртуальное целое лишь благодаря браку Леопольда Адлера и Берты Ландау. И сейчас единственным оставшимся в мире реальным воплощением этого брака, а следовательно, и всего древа, был он, Макс Адлер, сын Лео и Берты. Как выглядели все эти люди, чем увлекались, какими талантами обладали, от чего страдали и чем гордились? Макс этого никогда не узнает. А ведь частицы их индивидуальности, перемешавшись причудливым образом и совершив немислимый генетический твист, перешли к нему и сделали его таким, каков он есть.

Макс с любопытством разглядывал сложные родственные связи, обозначенные замысловатым пересечением линий, стрелок и прямоугольников. Слова и цифры внутри них были единственным зримым напоминанием о давно ушедших предках, сведённой до предельного минимума информацией: имя, фамилия, год рождения – тире – год смерти. Вспомнились удивительно точные строки забытого поэта:

Неважно, кто какого чина,
Рожденья год – тире – кончина.
Приходит так конец Игре –
Жизнь умещается в тире...

Макс вдруг перестал обращать внимание на имена, которые мало что говорили ему, а сосредоточился на датах, разделённых короткими чёрточками. Они поразили

“Зарубежные записки” №10/2007 5

ли его. Неожиданно он обнаружил, что все его многочисленные прадедушки, прабабушки, дедушки, бабушки, дяди и тётки с обеих сторон, которые умерли естественной смертью, оставили этот мир в весьма преклонном возрасте – за девяносто, а кое-кто перешагнул и столетний рубеж. Исключением были те, кто сгорел в огне Холокоста. Их возраст был самый разный – от пяти лет и до глубокой старости. Датами их смерти Макс дополнил когда-то генеалогическое древо. Среди них были его дед, родители, старшие брат и сестра...

Максу вспомнились отрывочные эпизоды детства, будто выплывшие из тумана далёкого прошлого. Вот какой-то семейный праздник, все собрались в большой гостиной. Ему четыре года, он стоит между коленями прадеда Бруно Ландау, которому уже сто лет. Прадед гладит его по головке и говорит какие-то ласковые слова. Вдруг он забывает нужное слово и просит внучку Берту напомнить его. «Забывчив ты стал, дедушка», – улыбается Берта. «Да, внучка, забывчив стал, – отвечает старик. – Потому и живу». Все смеются. Макс не понимает, что смешного сказал прадед. Иногда он забывал застегнуть ширинку, но над этим, наоборот, смеялся только маленький Макс и никто больше.

Затем в памяти возникает сарай на опушке леса. Они с отцом входят внутрь. Там их ждёт какой-то незнакомый человек. Отец опускается на корточки и прижимается лицом к лицу Макса. Щёки мальчика становятся мокрыми и он недовольно вытирает их рукавом. Потом отец быстро выходит, а незнакомый человек берёт Макса за руку и выводит через заднюю дверь. Там стоит конная коляска. Они долго едут куда-то. С этого дня Макс живёт в другой семье. Потом он узнаёт, что человек в сарае был компаньоном отца. После войны он оплатил его учёбу в университете. От него же Макс получил рулон ватмана, лежавший сейчас перед ним, и шкатулку, в которой хранились несколько фотографий, прощальное письмо отца и старинные карманные часы-брегет, принадлежавшие деду Оскару Адлеру.

Макс снова взглянул на даты, указанные в родословной, и подумал, что жить придётся долго. Не этот ли секрет решили сообщить ему сегодня многочисленные Адлеры и Ландау, сведённые по прихоти судьбы на одном листе ватмана? Нельзя сказать, что извятие о принадлежности к роду долгожителей удивило его. Скорее озаботило. Теперь надо было думать, как распорядиться этим неожиданным подарком. Подарком ли? Раньше он никогда об этом не задумывался, хотя и понимал, что генетика ему досталась неплохая. В свои пятьдесят пять он ни разу не обращался к врачам, если не считать удаления аппендицита лет тридцать назад и лечения ноги, повреждённой на горных лыжах. В зубоврачебном кресле сидел только однажды, когда потребовалось запломбировать два зуба. Макс не знал, что такое боли в сердце или печени, какие страдания доставляют мигрень или запоры. Ему были неведомы муки радикулита или затруднённого мочеиспускания. Такие слова, как диабет, геморрой, импотенция, депрессия, имели для него абстрактное значение. При росте сто восемьдесят он весил ровно восемьдесят килограммов.

Макса нельзя было назвать красивым мужчиной в том смысле, как это понимают женщины. Поэтому они редко обращали на него внимание при первой встрече. Не было у него и того внешнего налёта интеллигентности, который отличает человека, родившегося в семье с давними культурными традициями. Высокий лоб не очень гармонировал с несколько грубоватым скуластым лицом, на котором выделялись маленькие глубоко посаженные глаза и крупный нос. Редкие чёрные волосы были слегка тронуты сединой. Однако такая внешность не давала истинного представления о нём, что становилось очевидным после непродолжительного общения. Собеседники быстро меняли первое обманчивое впечатление, а женщины начинали видеть другую красоту – не внешнюю, а гораздо более привлекательную внутреннюю.

... Да, жить придётся долго, снова подумал Макс. Лет сорок, а то и больше. Чем же заняться, чем заполнить эти годы впереди? Можно, конечно, отправиться

в долгое путешествие, даже на целый год. Его финансовое положение было достаточно прочным, что позволяло не думать о расходах. Ну а потом? Нельзя же всё время путешествовать. Как это часто бывает, Макс отличался разносторонними интересами, но у него не было какого-либо хобби, которому можно посвятить свободное время. В молодости он пытался рисовать, но из этого ничего не вышло из-за отсутствия способностей. То же произошло и с желанием писать – оказалось, что сочинять не так-то просто. Не умел он и вырезать по дереву, разводить аквариумных рыбок, копаться в саду, хотя при доме, купленном двадцать лет назад, был приличный участок земли. За цветами и травой ухаживал садовник из фирмы ландшафтного дизайна. К любой так называемой общественной деятельности Макс испытывал хроническую аллергию ещё с молодости. Одним словом, всепоглощающего хобби у него не было.

... Макс продолжал рассеянно скользить взглядом по листу ватмана, словно надеясь извлечь ещё какую-нибудь информацию о предках. Впрочем, двигали им скорее инерция и вялое любопытство, нежели осознанный интерес или сентиментальность. Рядом с некоторыми именами были приведены данные о месте рождения и профессии. А если речь шла о лицах, породнившихся с семьёй, то указывалось их происхождение. Например, около имени жены Теодора Ландау, дяди Макса по материнской линии, было написано: «Клара, дочь адвоката Соломона Вайса из Галиции». Это уточнение «из Галиции» показалось Максиму забавным и привлекло внимание. Если учесть, что поженились Теодор и Клара намного позже распада Австро-Венгрии, когда Галиция уже отошла к Польше, то был в этом уточнении некий наивный снобизм, присущий коренным жителям Вены.

Около имени деда Оскара Адлера тоже стояла какая-то надпись из четырёх слов, но язык был не немецкий. Буквы вообще были не латинские. Макс снял с полки энциклопедию и открыл таблицу нелатинских алфавитов. Оказалось, что слова написаны каллиграфическими печатными знаками на иврите. Это озадачило его. Он вспомнил, что в письме отца было что-то сказано о дедушке Оскаре. Макс достал из шкафа шкатулку с реликвиями, вынул из неё письмо и стал внимательно перечитывать. Первая страница была очень эмоциональная и касалась родителей, брата и сестры. Хотя со времени их трагической гибели прошло почти полвека, он снова почувствовал комок в горле. Дальше отец переходил к дедушке Оскару, и эта часть письма была похожа на какую-то информацию, смысл которой не вполне понятен. Отец писал, что дедушка очень состоятельный человек, но, к сожалению, в силу обстоятельств лишён возможности распоряжаться своим имуществом. Поэтому единственное, что он может оставить Максиму на память, – это золотой старинный брегет. Отец настойчиво просил хранить эту драгоценную вещь, никогда не передавать в чужие руки и не ремонтировать, так как современные мастера могут испортить уникальный механизм. Стрелки брегета были неподвижны, а головка заводного механизма не вращалась. Но как часы они и не представляли никакой ценности. Поэтому у Макса даже не возникала мысль о ремонте. Он просто хранил их в шкатулке как память о дедушке, погибшем в Холокосте. Письмо заканчивалось загадочными словами с каким-то явным подтекстом: «Это наш семейный талисман, который принесёт тебе удачу и счастье. Твоя жизнь должна сложиться хорошо. Дедушка Оскар любит говорить, что лучшая месть – это хорошо жить». Когда Макс впервые, много лет назад, прочитал письмо, то подумал, что эти фразы отражали душевное состояние отца, надежду, что младший сын переживёт Катастрофу и станет таким же преуспевающим человеком, как дед. В конце письма был постскриптум, который казался никак не связанным с его содержанием: «Тебе будет полезно хотя бы немного изучить иврит». Впрочем, это выглядело просто как доброе пожелание.

Макс извлёк «талисман» из шкатулки. Часы были увесистые, диаметром более шести и толщиной не менее полутора сантиметров. На циферблате стояло имя «Зарубежные записки» №10/2007

французского мастера Брегета. Золотую заднюю крышку украшала витиеватая резьба, на которой читался год изготовления – 1818. Макс начал машинально вглядываться в завитушки резьбы и вдруг заметил искусно вписанные в них и незаметные при беглом осмотре ивритские буквы. Он подошёл к ватману и сравнил их с надписью около имени деда. Оказалось, что буквы на часах составляли три последние слова из надписи на генеалогическом древе. Первого слова на них не было. «Любопытно, – подумал он, – надо будет узнать, что они означают». Заинтригованный, он тщательно перерисовал в записную книжку слова с ватмана, сверяясь с таблицей в энциклопедии. Знаки имели чёткие прямоугольные очертания, и копировать их было несложно.

2

Компания «Эрдойль Гезельшафт» была основана в конце двадцатых годов для поисков нефти в районе между Веной и чешской границей. С самого начала она принадлежала нескольким учредителям, ни один из которых, впрочем, не имел контрольного пакета акций. Помимо них было много мелких пайщиков, владевших долями процента каждый. Управлял компанией Совет директоров, который избирался на общем собрании держателей акций и назначал президента и вице-президентов. В него входили, кроме влиятельных представителей финансовых и промышленных кругов, также наиболее крупные акционеры. Самый большой пакет долгое время не превышал десяти процентов. Компания выплачивала хорошие дивиденды, и поэтому никто не хотел продавать свою долю. Но в середине тридцатых годов владельцу десятипроцентного пакета удалось приобрести дополнительные акции, предложив за них выгодную цену, и увеличить свою долю до двадцати пяти процентов. После этого он стал так называемым контролирующим акционером компании и получил постоянный пост вице-председателя Совета директоров. Однако будучи занят другими бизнесами, он никогда не присутствовал на заседаниях, поручив защиту своих интересов небольшой венской адвокатской фирме «Ленхард и компаньоны», глава которой представлял его в Совете и которая, в свою очередь, была младшим партнёром швейцарской фирмы «Манфред и Рорвиг».

В марте 1938 года, на следующий день после аншлюса, контролирующий акционер «Эрдойль» продал швейцарской фирме весь свой пакет. Впрочем, эта финансовая операция прошла почти незамеченной в компании и никак не отразилась на её деятельности. Отто Ленхард по-прежнему продолжал занимать пост вице-председателя Совета директоров, но теперь он представлял адвокатскую фирму «Манфред и Рорвиг». После войны имя бывшего контролирующего акционера никто уже не помнил, даже ветераны компании.

В шестидесятых годах «Эрдойль» вышла на международную нефтяную арену, и её оперативная активность резко возросла. Она приобрела концессии в нескольких странах третьего мира и успешно вела там разведочные работы. В её структуре были созданы региональные отделы, курирующие поиски нефти в Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и в ряде других районов. Это привело к возникновению партнёрских связей с международными корпорациями и национальными нефтяными компаниями.

Три года назад в «Эрдойль» произошло знаменательное событие. Впервые за всю её историю на одну из руководящих должностей был приглашён иностранец. Им был англичанин Дейв Пауэлл, ставший вице-президентом по зарубежной разведке. Поговаривали, что это назначение имело прямое отношение к более чем тесным связям президента «Эрдойль» Гельмута Келлера с одной из крупнейших британских нефтяных корпораций. Во всяком случае, то, что Пауэлл – человек

Келлера, было очевидным для всех. В компании отнеслись к его появлению без энтузиазма. Хотя Совет директоров и утвердил назначение по рекомендации президента, но Пауэлл всё же оставался тёмной лошадкой. Поэтому он нуждался в быстром и впечатляющем успехе, чтобы продемонстрировать своё соответствие должности и упрочить профессиональную репутацию. В этом же был заинтересован и пригласивший его Келлер.

В прошлом Пауэлл несколько лет работал в Австралии. И он решил, что именно этот регион больше всего подходит для такой цели. Он вызвал начальника отдела Юго-Восточной Азии и Австралии Зигфрида Кляйна и затребовал все имеющиеся оперативные геологические и геофизические материалы по региону. Ответственным за эти материалы был Макс Адлер. Так произошло его первое близкое знакомство с новым вице-президентом. Пауэлл приступил к их детальному изучению, изредка обращаясь к Максусу за дополнительными сведениями. Через два месяца было объявлено, что компания приобрела в Новой Гвинее морскую разведочную концессию в западной части залива Папуа около дельты реки Флай (по-английски «муха») и вскоре приступит к самому крупному зарубежному проекту. Стало известно, что Дейв Пауэлл сам проанализировал материалы по акватории залива и обнаружил гигантское геологическое поднятие, названное им Биг Флай («Большая муха»), – классический объект для нефтяной разведки. Обычно такие проекты разрабатывал Макс Адлер, а если они поступали от партнёров, то в обязательном порядке передавались ему для экспертного заключения. На этот раз он был отстранён от работы. Пауэлл не собирался делить успех с кем бы то ни было. Далеко не все в компании желали ему удачи. И с этого момента его стали за глаза называть папуасом.

Стоимость проекта была огромной. Но папуасу удалось убедить Келлера в его высокой перспективности и экономической рентабельности, а затем оба они без особого труда добились согласия Совета директоров на получение банковского кредита. События развивались стремительно. «Эрдойль» заключила контракт с фирмой морского бурения «Ошеан Дриллинг» в Лос-Анджелесе, и плавучая буровая установка «Сэми»² вышла в море, взяв курс на Новую Гвинею.

В разгар всей этой лихорадочной активности Зигфрид Кляйн зашёл в комнату Адлера.

– Послушай, Макс, что ты думаешь об этой затее?

Адлер молча пожал плечами.

– Это же твой район, – продолжал настаивать Кляйн. – Должен же ты иметь собственное мнение. Ты что, согласен с папуасом? Там действительно есть эта муха?

– Не знаю, – ответил Макс, – я не видел его интерпретацию. Многое зависит, как ты знаешь, от того, какие сейсмические скорости³ он использовал. Я передал ему всё, что у меня было, и понятия не имею, как он обработал и экстраполировал данные по ближайшим скважинам на суше, в которых проводился сейсмокаротаж⁴.

– У тебя есть копии этих материалов?

– Конечно. Копии карт и другой графики у меня имеются, а остальные данные есть в компьютере.

– Вот что, Макс. Сколько времени тебе потребуется, чтобы проверить всё это?

– Ты имеешь в виду расшифровку структуры под водами залива?

– Да, именно это я имею в виду.

– Ну, если работать плотно, то две недели, не меньше.

² Сэми – сленговое сокращение английских слов semi – submersible drilling rig – полупогружная буровая установка на двух подводных катамаранах.

³ Сейсмическая скорость – скорость распространения сейсмических волн в разных породах.

⁴ Экспериментальное определение сейсмических скоростей в скважине.

– Хорошо. Продолжим разговор через две недели. И ещё вот что – о том, что ты этим занимаешься, никто знать не должен.

Ровно через две недели Макс позвонил Кляйну: «Приходи. Посмотришь, что получилось». Когда тот вошёл, на большом рабочем столе уже лежали карты, профильные разрезы и таблицы сейсмических скоростей. Кляйн, не говоря ни слова, стал внимательно рассматривать их. Он был опытный геолог, настоящий профессионал, и сразу всё понял.

– Чёрт возьми, не зря у меня было предчувствие. Значит, всё-таки ничего нет. Нет мухи – ни большой, ни маленькой. Весёленькая история. Что будем делать, Макс?

– Не знаю, Зигфрид. Они так раскрутили маховик, что даже приближаться опасно. Закончится всё это плохо.

– Да, закончится плохо. «Сэми» уже подходит к островам Гилберта. Скважина будет стоить сорок миллионов долларов, а весь проект – около ста. Пахнет грандиозным скандалом. Может всё-таки попытаться остановить эту затею?

– Видишь ли, если бы здесь была только профессиональная ошибка, то попытаться было бы можно. Но за всем этим стоят личные амбиции, и не только Пауэлла, но и Келлера. Это важнее интересов компании. Сотрут в порошок.

– Да, пожалуй, ты прав. Лучше не связываться. Ну что ж, спрячь всё это по-дальше. И будь что будет. Нас это не касается.

Через несколько дней, на новогоднем вечере, который компания традиционно устраивала в итальянском ресторане, Кляйн, как обычно, выпил лишнего, и когда речь зашла о бурении в заливе Папуа, небрежно заметил: «Ни хрена там нет».

– Как нет? – не без удовольствия воскликнул начальник юридического отдела Карл Финк, один из наиболее явных недоброжелателей Пауэлла. – Там же, по словам этого британца, огромное поднятие.

– Нет никакого поднятия. Большая муха улетела, остался огромный мыльный пузырь. Вон Макс может подтвердить, – Кляйн кивнул в сторону стоявшего поодаль Адлера.

– А мы сейчас спросим, – Финк направился к Максусу.

В этот момент Кляйн внезапно протрезвел и ухватил его за руку: «Оставь. Я просто пошутил». Но слово вылетело... В компании процветало доносительство. Не прошло и двух дней, как об этом стало известно Пауэлли.

После Нового года Кляйн зашёл к Максусу. Он был взволнован.

– Послушай, Макс. Папуас каким-то образом узнал о твоей карте. Я только что был у него. Он хочет видеть её. Мне пришлось сказать, что она у тебя. Извини, дружище, но просто не было выхода.

– Что значит «каким-то образом узнал»? Ведь кроме нас двоих о ней никто не знает. Я никому не говорил. Ты, что ли, ляпнул?

– Ну что ты! Ты же знаешь, это не в моих интересах. Да и какое это сейчас имеет значение? Главное, что он что-то знает. Я просто зашёл предупредить.

– Слушай, Зигфрид, но ведь это было твоё задание.

– Разумеется. Я не отрицаю. Но какой смысл говорить об этом Пауэлли? Ты уж как-нибудь постарайся выкрутиться. Одному это сделать проще, чем двоим. Скажи, что поиграл скоростями ради любопытства. Войди в моё положение – у меня же трое детей. Ну, удачи, – бросил Кляйн уже в дверях.

Минут через десять позвонила секретарь Пауэлла и попросила зайти к боссу. «Захватите карту и другие материалы по заливу Папуа», – сказала она.

– Заходите, Макс. Как дела? – приветствовал его Пауэлл. – Принесли что-то интересное? Ну что ж, давайте посмотрим.

Макс разложил материалы на столе. По мере того, как папуас разглядывал их, его маленькое птичье лицо становилось пунцовым. Наконец, он побагровел весь, от подбородка до лысины.

– Сейсмокаротаж какой скважины вы использовали? – резко спросил он.
 – Скважины «Аворро» компании «Тексако».
 – На каком основании? Вы что, не видите, что скважина «Дару», пробуренная «Бритиш Петролеум», расположена совсем рядом с нашей концессией, а «Аворро» – на расстоянии тридцати километров от неё?

– Географически это так. Но «Аворро» находится в той же геологической зоне, что и концессия, а «Дару» – в другой зоне, с другим составом пород и другими скоростями. Мне бы не хотелось это говорить, Дейв, но использование скважины «Дару» привело к появлению на вашей карте ложного, несуществующего поднятия.

– Вызывающее и самонадеянное заявление. Что даёт вам право утверждать это?

Макс подошёл к профильным сейсмическим разрезам и показал на них границы геологических зон. Они были настолько очевидны, что у Пауэлла не нашлось возражений.

– Когда вы построили карту? – спросил он.

– Недели две назад.

– С какой целью?

– Мне было просто интересно. Я ведь курирую этот район, – спокойно ответил Макс.

– Что значит – курирую? Сейчас я его курирую. И я не просил вас заниматься этим. Вы что, хотели проверить меня? Ваша карта – безграмотная чушь.

Макс бросил на Пауэлла насмешливый взгляд.

– Не паникуйте, Дэйв. Верните «Сэми» обратно, – сказал он твёрдо. – Ваша «Большая муха» – это большой блеф.

– Какая наглость! Кто, кроме Кляйна, видел карту?

– Никто.

– Идите. Материалы оставьте здесь.

После разговора с Пауэллом положение Макса в компании резко изменилось. Через несколько дней его перевели из большой светлой комнаты, которую он занимал уже много лет, в маленькую полутёмную каморку в конце коридора. Коллеги перестали заходить к нему, а встречаясь в вестибюле или в столовой, ограничивались лишь коротким приветствием, а то и просто едва заметным кивком. Зигфрид Кляйн в присутствии других старался не показывать прежние дружеские отношения, а наедине подбадривал ничего не значащими словами: «Держись, Макс, всё образуется. Наберись терпения и не падай духом. Вот провалятся они в заливе Папуа и увидят, что ты был прав. Тогда всё изменится». Оба они понимали, что тогда-то всё и начнётся...

Но хуже всего было то, что Макс вдруг перестал получать задания. После проекта, который был начат ещё до разговора с Пауэллом и закончен через месяц после него, Кляйн больше не передавал ему материалы для анализа или экспертной оценки. Его не приглашали на технические совещания, его мнением никто не интересовался даже тогда, когда речь шла о регионах, по которым он был признанным специалистом. В откровенной форме ему давали понять, что он должен уйти из компании. В то же время просто уволить его в приказном порядке было невозможно, учитывая безупречную прошлую работу, которая была документально подтверждена ежегодными оценками, хранившимися в его файле. Наконец Макс не выдержал и пришёл к Кляйну.

– Зигфрид, в чём дело? Что происходит? Ты что, думаешь, я уйду добровольно? Не надейся. Только за последние пять лет у меня в активе три новых месторождения, которые приносят компании миллионы. И не забывай – это ты впутал меня в эту историю. Так что, в случае чего, окажемся на улице вместе.

Кляйн побледнел.

– Макс, дружище, поверь, я здесь ни при чём. Ничего не могу сделать. Всем этим дирижирует папуас. Попробую поговорить с ним, но ничего не обещаю.

На следующий день Кляйн зашёл в каморку Макса.

– Ну вот, твоё безделье закончилось. Есть срочная работа – оценить перспективы нефтеносности восточной части острова Калимантан и составить детальный план разведки. Срок – два месяца. И учти – ни дня больше. Через три месяца тендер на разведочную концессию.

– Ты шутишь, Зигфрид? Я знаю этот район. Для него и шести месяцев мало. И что значит – ни дня больше?

– Срок определил папуас. Он подчеркнул, что опоздание даже на один день будет считаться невыполнением проекта. Ты, конечно, можешь отказаться. Но сроки следующего проекта будут ещё менее реальными. А два отказа – повод для увольнения за профессиональное несоответствие. У тебя просто нет выбора. Так что берись за работу и будем уповать на Бога.

– Уповать на Бога, которого нет... Ну что ж, давай проектное задание.

Макс начал в тот же день и работал по двенадцать часов в сутки. Это был изнурительный марафон наперегонки с календарём. Через два месяца, день в день, детальный геологический анализ и план разведки были готовы. Презентация проходила при необычно многолюдной аудитории. Вся компания знала, что предстоит публичная расправа. Поэтому одни пришли из любопытства, другие – из-за профессионального интереса, а третьи, составлявшие специально отобранную группу, – с целью разыграть заранее подготовленный сценарий и провалить проект. Но справиться с заданием им не удалось. Ни один из них не владел материалом так, как Макс. Поэтому он с лёгкостью отвечал на каверзные вопросы и парировал критические выступления. В результате его план разведки был принят полностью, без малейших изменений и замечаний. Вскоре после этого Макс узнал, что никакого тендера в этом районе не было, и «Эрдойль» не планировала проведение здесь разведочных работ. Жёсткий срок, отведённый для проекта, имел только одну цель – сделать его невыполнимым.

В эти дни, впервые в жизни, у Макса начались проблемы со сном. Режим работы был намеренно выматывающим. Но будучи человеком сильным и волевым, он твёрдо решил, что это не должно повлиять на его физическое и душевное состояние. Однако решить оказалось легче, чем сделать. Он ложился спать в половине одиннадцатого, как обычно. Но сон не приходил, несмотря на невероятную усталость. Вместо этого калейдоскопом проносились события прошедшего дня и в голову лезли, вопреки логике и здравому смыслу, какие-то дикие фантазии, всегда на одну и ту же тему – как он отомстит папуасу! Порой месть принимала изощрённые формы... Вот он едет ночью по пустынной дороге и видит в кювете перевёрнутый автомобиль, а в нём раненый Пауэлл. Макс подходит к нему. Их взгляды встречаются. Он улыбается, снова садится в машину и уезжает... Или другая фантастическая картина. Макс становится президентом компании, и теперь судьба Пауэлла в его руках. Он даёт ему проектное задание с нереальным сроком. Тот не справляется, и Макс с позором увольняет его... Иногда объектом мести становится Зигфрид Кляйн... Наконец, промучившись час, а то и два, он с трудом засыпает. Утром вспоминает ночные фантазии с содроганием и отвращением. На память приходят слова из письма отца: «Лучшая месть – это хорошо жить». Однажды под утро ему приснился настоящий папуас в набедренной повязке, с кольцом в носу, с которым он познакомился когда-то в Новой Гвинее. Он выходил на берег из залива Папуа и кричал: «Ты украл мою нефть! Я расскажу об этом Совету директоров!» Папуас приблизился, и Макс узнал в нём Пауэлла. Он протянул ему свою карту, но Пауэлл завопил «безграмотная чушь» и помочился на неё. Макс бросился на него с кулаками... и в этот момент проснулся. Часы показывали без четверти

шесть. Пора было вставать. Начиналось новое утро и новый тяжёлый рабочий день...

После презентации проекта по Калимантану снова потянулись месяцы вынужденного безделья, а потом вдруг Макс получил ещё одно проектное задание с таким же нереальным сроком. И опять блестящая презентация без единого дня опоздания. Такое напряжение не проходило бесследно – он осунулся, глаза ввалились, нервы начали пошаливать.

Тем временем провал в заливе Папуа становился всё более очевидным. Поскольку в финансовом отношении это был не рядовой проект, причины неудачи рассматривались на заседании Совета директоров. Пауэлл и Келлер вынуждены были объяснять, как мог произойти такой скандальный просчёт. И папуас нашёл выход – причиной ошибочной интерпретации геологических материалов, по его словам, были заведомо неправильные значения сейсмических скоростей, полученные им от Макса Адлера. Он также намекнул, что сделано это было умышленно, в отместку за то, что Адлер не был привлечён к проекту. Возмущению членов Совета не было предела. Специально созданная комиссия начала проверку работы Макса за несколько последних лет. И здесь обнаружилось, что из личного файла в отделе кадров исчезли оценки его предыдущих проектов. Никто не мог объяснить, как это произошло...

Упорные и грубые попытки профессиональной дискредитации, в которых участвовало немало коллег, продолжались уже около трёх лет. Но ни одного мало-мальски обоснованного повода для увольнения найти не удавалось. И вдруг необходимость такого повода отпала сама собой. Чтобы как-то компенсировать финансовые потери в заливе Папуа, компания была вынуждена сократить бюджет и уволить пять процентов сотрудников. Макс, конечно, оказался первым в этом чёрном списке. Вторым был Зигфрид Кляйн, вина которого состояла в том, что он видел злополучную карту. Когда проводится вынужденное сокращение персонала, никаких индивидуальных причин и объяснений для увольнения не требуется.

Незадолго до этого в США вышла книга, которая произвела сенсацию в обществе, и особенно – в мире большого бизнеса. О ней говорили в СМИ, деловых клубах, компаниях, при частных встречах в кругу белых воротничков. Книга быстро стала бестселлером, а её автор – национальным героем. Звали его Ли Якокка, а книга была его автобиографией. Макс прочитал её на одном дыхании. В жизни и карьере этого человека были две вершины, два «Эвереста», как он их называл. Первая вершина – пост президента компании «Форд». Он начал работу в ней молодым инженером и через двадцать четыре года стал вторым человеком после самого Генри Форда, внука основателя автомобильной империи. За восемь лет на посту президента Якокка сделал компанию стабильной и процветающей. Однако в последние три года он стал подвергаться постоянным унижениям и издевательствам со стороны Форда. «В 1975 году он приступил к своему преднамеренному плану уничтожить меня, – говорит Якокка. – В параноидальном мозгу Генри возникло подозрение, что после его смерти я отстраню его сына Эдсела от руководства компанией и завладею ею. Он действовал целенаправленно из месяца в месяц. Моя жизнь превратилась в ад. Я стал пить больше, появилась дрожь в руках. Я чувствовал, что расплзаюсь по швам. Я стал записывать всё, что происходило. Жена поддержала меня. Может быть, однажды ты захочешь написать книгу об этом, сказала она. И никто не поверит, что в уважаемой компании было возможно то, через что нам пришлось пройти».

В течение трёх лет Форд делал всё, чтобы заставить Якокку уйти добровольно. «Почему я не уходил? – задаёт вопрос Якокка и отвечает так. – Были две причины. Форд не является единоличным владельцем компании. Основная часть акций принадлежит частным лицам. И я наивно полагал, что они не допустят увольнения

человека, чьи впечатляющие достижения обеспечивают им высокие дивиденды. А во-вторых, я был столь же наивно убеждён, что Совет директоров, в котором было много моих личных друзей, не разрешит Форду уволить меня. Я не сомневался, что хотя бы один из них встанет и скажет, что это позор. Якокка приносит компании два миллиарда ежегодно. Если он уйдёт, я тоже уйду».

Надежды Ли Якокки не сбылись. Никто не выступил в его защиту. Совет директоров не посмел бросить вызов Генри Форду. В возрасте пятидесяти четырёх лет, в день своего рождения, Якокка был уволен без объяснения причин. «Сброшен с Эвереста», – как он пишет. Вторым «Эверестом» стал предложенный ему вскоре пост президента компании «Крайслер», которую он спас от банкротства и поставил на ноги. После этого успеха он стал фигурой национального масштаба и его кандидатура даже выдвигалась в Белый дом.

Историю увольнения, своё душевное состояние и пережитый стресс Якокка описывает подробно и эмоционально, с чисто итальянским темпераментом. Особое место в его драматическом рассказе занимает первое утро жизни безработного, когда им вдруг овладело смятение и он почувствовал себя потерянным, опустошённым, не знающим, что делать и чем заняться. Макса поразило сходство всего этого с тем, что происходило с ним самим. Как бы объясняя это сходство, Якокка замечает: «Когда ты уволен без причины после многих лет безупречной работы, не имеет значения, кто ты – президент компании или клерк. Психологически это одинаковая катастрофа для любого».

Наиболее болезненным было намеренное унижение, которому подверг его Форд. По условиям контракта, в случае увольнения президенту для поиска новой работы предоставляется полностью оборудованный временный служебный офис. Этим «офисом» оказалась маленькая обшарпанная комната на складе запчастей в нескольких милях от того здания, в котором ещё вчера Якокка занимал роскошный кабинет с ванной и специальным помещением для отдыха. На складе он пробыл менее часа и больше там не появлялся. Но унижения не забыл. Прочитав об этом, Макс вспомнил свою полутёмную каморку в конце коридора... Другим поразительным сходством было то, что друзья и коллеги, продолжавшие работать в компании, сразу же прекратили общение с Якоккой. Никто из них даже не пришёл на похороны его жены и не прислал соболезнование. «Это был самый большой шок в моей жизни», – пишет Якокка.

Так же, как и бывший президент компании «Форд», Макс наивно полагал, что геолог, работа которого привела к открытию не одного нефтяного месторождения, не может быть уволен без причины. Документы об этих открытиях имелись в его личном файле. Решение нашли простое – они были изъяты. Наконец, ещё одно сходство заключалось в том, что Якокка не скрывает появившуюся у него навязчивую идею отомстить Генри Форду. «Во время бессонных ночей я непрерывно фантазировал, как ударю его в самое больное место. А такие места я знал... За унижение мерзким “офисом” на складе запчастей я был готов убить его физически». Эти строки напомнили Максу его собственные ночные фантазии. «Поразительно, – подумал он, – значит, везде и со всеми это происходит одинаково. Технология расправы в уважаемых организациях одна и та же – будь то Европа или Америка, нефтяная компания или автомобильная, идёт ли речь о президенте или инженере. Но Якокке повезло – он взошёл на свою вторую вершину и снова стал “хорошо жить”. Это была лучшая месть Форду. А у меня впереди только горнолыжные вершины, что, в сущности, не так уж плохо...»

3

Самуэль Маркус, раввин Старой венской синагоги, что недалеко от Юденплац, рассматривал слова в записной книжке Макса.

– Первое слово не очень понятно. Возможно, это чьё-то имя. Бергет или Боргет. Без огласовки прочитать трудно⁵. Вы знаете этого человека?

– Может быть, Брегет? – предположил Макс.

– Вполне вероятно. А три других слова читаются так: «фтах эт ха'михсе», что означает «открой крышку».

– Я вам очень благодарен, рабби.

Выйдя из синагоги, Макс мысленно повторил эти слова: «Брегет. Открой крышку». Он вспомнил, что на генеалогическом древе написана вся фраза, а на часах первое слово отсутствует. «Это логично, – подумал он. – Ведь часы и есть брегет. И специально указывать это незачем. А на древе необходимо объяснить, о какой крышке идёт речь. Так вот что означал постскрипtum об изучении иврита в письме отца...» Уже сидя в машине, он вдруг поймал себя на том, что непроизвольно напеваает эти загадочные слова, как некий рефрен. И ещё он заметил, что едет домой с особым нетерпением...

Крышка брегета была наглухо прикреплена к корпусу каким-то секретным внутренним зажимом. Макс пришлось повозиться, чтобы открыть её. Часы оказались полые, без механизма. Чтобы его отсутствие не делало их подозрительно лёгкими, внутрь была вложена свинцовая пластинка. По существу, брегет был лишь футляром. Макс извлёк из него плоский ключ сложной конфигурации с выбитой на нём цифрой «23» и записку на маленьком листке тонкой плотной бумаги, аккуратно сложенной в несколько раз. Текст записки гласил: «Это ключ от принадлежащего Оскару Адлеру сейф-бокса, который находится в офисе “Свисс Бэнк Корпорэйшн” по адресу: Швейцария, Женева, Рю де ла Сите. Номер сейфа 23. Номер счёта в этом же банке P4-644,481.2. В случае смерти Оскара Адлера право доступа к сейфу и счёту получают его дети Леопольд, Эмма и Клара, а также их прямые потомки (дети, внуки и т.д.). Сейф абонирован и оплачен владельцем на 100 лет, начиная с 1938 года. Он открывается одновременно двумя ключами, один из которых приложен к данному письму, а второй находится в банке».

Роланд Шиллинг, генеральный директор женевского филиала «Свисс Бэнк Корпорэйшн», внимательно читал документы Макса Адлера и передавал их один за другим юрисконсульту Эдварду Верга, на столе которого лежала папка «Оскар Адлер. Счёт P4-644,481.2, сейф-бкс 23». Документы включали свидетельство о рождении с данными об отце и матери, а также официальное уведомление специального правительственного бюро о гибели в лагере смерти Маутхаузен Оскара Адлера, его троих детей и пятерых внуков. В уведомлении было указано, что оно выдано в соответствии с запросом Макса Адлера, единственного ныне живущего члена семьи.

– Господин Адлер, – торжественно произнёс генеральный директор, когда бумаги были просмотрены, – мы внимательно изучили представленные вами документы и пришли к выводу, что они соответствуют швейцарским законам и уставу нашей корпорации. Мы также пришли к выводу, что вы являетесь законным наследником покойного Оскара Адлера и имеете право доступа к его банковскому счёту и сейф-боксу. Однако окончательное подтверждение этого права вы сможете получить только через неделю, после экспертизы документов в нашем главном офисе в Цюрихе. Мы сожалеем, что вынуждены отложить на это время завершение формальностей, и надеемся, что вы отнесётесь к этому с пониманием.

Через неделю Макс снова появился в кабинете генерального директора. Шиллинг встретил его широкой приветливой улыбкой, вышел из-за стола и пожал руку.

⁵ В иврите нет гласных букв. Иногда вместо них ставятся специальные знаки – огласовки. Брегет пишется «бргт», что может читаться «бергет, боргет, брегет» и т.п.

– Подтверждение из Цюриха получено, господин Адлер. Поздравляю. Сердечно поздравляю от себя лично и от имени нашей корпорации. Мы надеемся, что вы продолжите семейную традицию и останетесь нашим постоянным клиентом. Могу ли я спросить, господин Адлер, с чего вы хотели бы начать знакомство с вашими активами – с банковского счёта или сейф-бокса?

– С банковского счёта.

– Прекрасно. Я провожу вас в операционный отдел.

... На банковском счёту оказалось 96 миллионов швейцарских франков. Макс подписал необходимые документы, заказал чековую книжку и кредитную карточку. С этого момента он стал владельцем счёта и мог распоряжаться им по своему усмотрению.

После ланча в служебном ресторане банка, на который его пригласил Шиллинг, они спустились в бронированное хранилище, где находились сейф-боксы. Здесь Шиллинг представил Максу супервайзера хранилища и попрощался. Макс и супервайзер подошли к сейфу 23. Супервайзер вставил ключ в верхнюю замочную скважину и ушёл. Макс вставил свой ключ в нижнюю скважину и повернул оба. Замок открылся легко и бесшумно, будто был смазан только вчера. Макс вынул из ниши длинный металлический ящик, перенёс его в закрытую кабинку и поставил на стол. Сейф был почти пуст, и лишь тонкий запечатанный конверт лежал на дне. Макс сел в удобное кресло, вскрыл конверт и вынул из него три сложенных пополам документа. Он развернул тот, что находился сверху. Это был договор, заключённый между Оскаром Адлером и адвокатской фирмой «Манфред и Рорвиг» в марте 1938 года. В нём говорилось, что господин Адлер передаёт фирме принадлежащие ему двадцать пять процентов акций компании «Эрдойль Гезельшафт» на следующих условиях.

1. Акции остаются собственностью господина Адлера и его наследников.
2. Фирма принимает акции на бессрочное хранение без права продажи всего пакета или любой его части.
3. В силу известных обстоятельств фирма согласна считаться формально юридическим владельцем акций, но де-факто – лишь номинальным.
4. Акции должны быть возвращены господину Адлеру или его наследникам по первому требованию независимо от срока, каким бы длительным он ни был.
5. В качестве вознаграждения за оказанные услуги фирма получает полностью дивиденды, которые будут выплачены компанией «Эрдойль Гезельшафт» за весь период хранения. Помимо этого, при возвращении акций их юридическому владельцу фирма оставляет себе пять процентов в качестве дополнительного вознаграждения.

... Макс с трудом верил своим глазам. Ему вдруг стало казаться, что это не реальный документ, а лишь одна из его безумных ночных фантазий на тему мести папуасу. Ну конечно же, знакомое видение – он становится президентом компании, и судьба Пауэлла в его руках... Макс тряхнул головой, уцепился за себя и огляделся. Нет, он не спит, а сидит перед сейф-боксом в кабинке хранилища. Для верности он выглянул из неё и посмотрел на десятки других сейф-боксов в стенных ячейках. На сон не было похоже... Он перечитал договор снова, на этот раз – вслух, шёпотом. Как бы не доверяя только глазам, он хотел удостовериться в его реальности ещё и ушами. Но и глаза, и уши, и пальцы, которыми он недоверчиво ощупывал бумагу, говорили одно и то же: «Отныне ты, Макс Адлер, персона нон грата в компании “Эрдойль Гезельшафт”, становишься её контролирующим акционером и вице-председателем Совета директоров. Твои безумные ночные фантазии превратились в реальность».

«Не слишком ли круто для нормального человека, а не финансового супермена? – подумал Макс с несвойственным ему суеверием. – Такие сценарии можно уви-

деть в кино, а не в жизни». Неожиданно, без всякой связи с происходящим, вспомнилась рыжеволосая красавица Джулия. Он понял, что никогда не забывал о ней. Просто сейчас память о тех давних событиях получила по некоей загадочной и таинственной ассоциации новый импульс. Где она сейчас? Доходили слухи, что она живёт не то в Канаде, не то в Америке. Не удивительно ли, что он вспомнил о ней в хранилище швейцарского банка? Почему он не оказался здесь тогда, двадцать пять лет назад? Всё могло бы быть иначе...

Вдруг его мысли сделали ещё один зигзаг и пошли в ином направлении. Как это всё стало возможно? Макс имел в виду ту почти мистическую случайность, в результате которой он сейчас держит в руках этот фантастический документ. Ведь ватман с генеалогическим древом мог пролежать на шкафу ещё тридцать лет, и столько же могли оставаться незамеченными ивритские буквы на крышке брегета... Если бы не увольнение и вызванное им внезапное импульсивное желание отправиться в долгое путешествие, он никогда бы не полез за туристическими проспектами и не обнаружил рулон в чёрном футляре... А уволил его Пауэлл. Значит благодаря ему он сидит сейчас здесь. Как в английской поговорке: «У каждого облака есть серебряная подкладка»... Макс не верил ни в Бога, ни в знаки зодиака, ни в приметы. Он верил только в судьбу, в её предначертанность. И подумал, что это было предопределено, а следовательно, неизбежно. Что – «это»? Вся цепь событий – и появление в компании Пауэлла, и его амбициозная затея с разведкой в заливе Папуа, и задание Кляйна проверить «Большую муху», и последовавшая за этим месть папуаса... Это не хаотическое нагромождение случайностей, не мистика. Это судьба. А судьба так же реальна, как воздух, пища и как сам человек, состоящий из плоти и крови. Если из цепи событий убрать хотя бы одно звено, то конструкция рухнет, судьба не состоится. Но в том-то и заключается главная тайна, что убрать звено невозможно. Это только кажется, что Пауэлл, Кляйн и он сам действовали по своей воле. Всё было предопределено, и они не могли не делать то, что делали...

Эти размышления привели мысли и чувства Макса в состояние равновесия и гармонии. Он раскрыл следующий документ. Это была справка о банковских реквизитах и юридическом статусе фирмы «Манфред и Рорвиг». Там же был указан её адрес – Женева, Рю де Мон-Блан. Последний, третий, документ касался банковского счёта, владельцем которого он стал в это утро.

Макс нажал кнопку звонка, вызвал супервайзера и спросил, где можно сделать копии. Тот проводил его в соседнюю комнату. Макс скопировал документы и положил оригиналы в сейф-бокс. Затем вставил его обратно в нишу стены, закрыл двумя ключами, вернул верхний ключ супервайзеру и вышел в вестибюль. Там он вынул из кейса карту города и нашёл Рю де Мон-Блан. Улица оказалась совсем близко от банка. Макс подумал, что за пятьдесят лет адрес фирмы мог измениться. Поэтому он решил посмотреть на дом просто из любопытства.

Он перешёл по мосту на правый берег Роны в том месте, где река вытекает из Женевского озера, и сразу же попал на нужную улицу. Найдя дом, он был приятно удивлён – над простой, но элегантной входной дверью, прямо на облицовочной плите было выгравировано «Манфред и Рорвиг». «Да, для тихой консервативной Швейцарии пятьдесят лет – это вообще не исторический срок, – подумал Макс. – По Европе прокатилась мировая война, а здесь всё было и остаётся неизменным. Дед Оскар не мог выбрать лучшей страны для своей последней финансовой операции». Постояв несколько минут перед домом, он решил, что свой первый визит сюда должен нанести по всем правилам. А для этого нужно сначала позвонить по телефону и назначить время встречи. Он сделает это завтра.

Возвратившись в гостиницу, Макс раскрыл телефонный справочник и нашёл фирму «Манфред и Рорвиг». Он опять был приятно удивлён: рядом с телефонами

её владельцев стояли имена – доктор Гуго Манфред и доктор Виктор Рорвиг. «Конечно, это не те люди, которые подписали договор с дедом, – подумал он. – Видимо, их сыновья, а скорее всего, внуки». Хотя это и не имело для него никакого значения, но снова повеяло незыблемой швейцарской традицией, непоколебимой стабильностью.

Утром Макс позвонил Гуго Манфреду. Он услышал приятный вышколенный голос секретаря. Макс назвал своё имя и сказал, что хотел бы поговорить с доктором Манфредом. Его соединили.

– Здравствуйте, господин Адлер. Чем могу быть вам полезен?

– Я бы хотел встретиться с вами, доктор Манфред, по поводу акций «Эрдойль Гезельшафт», принадлежащих семье Адлер.

– Простите, господин Адлер. Я как-то сразу не связал ваше имя с семьёй Адлер. Искренне рад разговаривать с вами. Где вы сейчас находитесь?

– В Женеве, недалеко от вас.

– Прекрасно. Мой компаньон Виктор Рорвиг и я будем счастливы видеть вас в любое время, которое вы сочтёте удобным. Если вы хотите приехать сейчас, то дайте нам два часа для подготовки документов.

У Макса возникло ощущение, будто собеседник только и ждал его звонка все эти годы. Никаких лишних вопросов, ни тени удивления, ни намёка на неожиданность или сюрприз. Искренняя готовность оказать услуги клиенту. Всё это говорило о высшем уровне профессионализма. Они договорились встретиться завтра утром.

Документы оказались в идеальном порядке и были быстро переоформлены на имя Макса. Итак, отныне Макс Адлер стал законным правопреемником деда Оскара и вступил во владение самым большим пакетом акций «Эрдойль Гезельшафт». Он договорился, что один из владельцев фирмы сделает официальное заявление об этом в Вене и представит его в новом статусе Совету директоров и руководству компании.

4

Раввин Самуэль Маркус встретил Макса как старого знакомого.

– Рад видеть вас, господин Адлер. Надеюсь, моя скромная помощь была полезна.

– О да. Весьма полезна. Если позволите, я и в дальнейшем буду пользоваться вашими услугами и советами в делах, в которых не очень сведущ. А сейчас я бы хотел обсудить с вами ряд других вопросов. Во-первых, я хочу построить на новом еврейском кладбище в районе Симмеринг мемориал в память членов семей Адлер и Ландау, погибших в Маутхаузене. И буду признателен, если вы поможете с выбором места и порекомендуете хороших специалистов. Во-вторых, я хочу установить в вашей синагоге мемориальную доску с именами погибших. И в третьих, я намерен сделать пожертвование синагоге.

– Очень похвальные планы, господин Адлер. Что касается мемориала, то кладбище находится в ведении похоронного братства «Хевра кадиша». Я свяжу вас с ними и уверен, что они отнесутся к вашему желанию с полным пониманием. В отношении мемориальной доски можете положиться на меня. И, разумеется, я вам искренне благодарен за намерение сделать пожертвование.

Совместное заседание Совета директоров и руководства «Эрдойль Гезельшафт» было назначено на десять часов утра в понедельник. По случайному совпадению, ровно два месяца назад Макс последний раз переступил порог компании. Утром того памятного дня ему пришлось перенести в машину личные вещи и

сдать пропуск. «Всего два месяца, – подумал Макс, – а кажется, что мир перевернулся». Он неожиданно быстро привык к своему новому положению, а главное – пропала бессонница, восстановился ежедневный распорядок, и снова обязательной рутинной стали холодный душ, утренняя гимнастика, вечерняя часовая пробежка по лесным аллеям. Возобновились и визиты к фрау Эльзе. Он вошёл в свою прежнюю физическую форму, что отразилось и на его внешности. Но всё же иногда перед сном, когда мысли вдруг переставали подчиняться логике и чувству реальности, в сознание нет-нет да закрадывалось сомнение: «А правда ли всё это? Не сон ли?» В такие минуты Макс включал ночную лампу, брал с тумбочки договор деда с «Манфред и Рорвиг», пробежал его глазами, успокаивался и быстро засыпал...

Когда Франц Ленхард, сын Отто Ленхарда и глава венской адвокатской фирмы «Ленхард и компаньоны», сообщил банкиру Клаусу Руппе, председателю Совета директоров, что их швейцарский партнёр намерен сделать важное сообщение на внеочередном заседании Совета, ему, естественно, был задан вопрос: «О чём пойдёт речь?» Ленхард, следуя инструкции Манфреда, ответил, что это касается кое-каких технических изменений в юридическом статусе пакета акций, принадлежащих швейцарской фирме. Подробности он не знал.

... До заседания оставалось несколько дней. Макс позвонил своему автодилеру и попросил подготовить «мерседес» последней модели, которым он решил заменить «ауди». В четверг новый серебристый лимузин был доставлен к его дому. В тот же день он встретился с Гуго Манфредом, и они обсудили детали предстоящего заявления на Совете директоров. Было решено, что сначала Манфред сделает краткое информативное сообщение, во время которого Макс будет находиться в соседней комнате. И лишь после того, как Манфред назовёт его имя, Элизабет Боне, секретарь фирмы, пригласит Макса в зал. Он войдёт и займёт место, заранее приготовленное для него за большим овальным столом справа от председателя. Благодаря такому сценарию внимание публики не будет преждевременно отвлечено присутствием Макса и позволит ей без помех выслушать сообщение Манфреда.

Гуго Манфред позвонил в офис президента компании и попросил приготовить на понедельник два пропуска для сопровождающих его господина Адлера и госпожи Боне. Фамилия Адлер достаточно распространённая и поэтому секретарь Гельмута Келлера не связала её с Максом.

В понедельник без двадцати десять два лимузина одновременно подъехали к офису «Эрдойль Гезельшафт» и остановились на специальном паркинге для руководства компании. Макс, Гуго и Элизабет поднялись на десятый этаж на так называемом «президентском» лифте и вошли в зал заседаний Совета. Никто из сотрудников им не встретился. Гуго и Элизабет остались в зале, а Макс прошёл в небольшую смежную комнату, служившую для отдыха и частных бесед.

Ровно в десять появились члены Совета и приглашённые. Каждый занял своё постоянное место. Манфред, сидевший как вице-председатель рядом с Клаусом Руппе, попросил оставить свободное кресло по другую руку от него. В кратком вступлении Руппе сказал, что просьба о внеочередном расширенном заседании Совета поступила от фирмы «Манфред и Рорвиг», которой принадлежит двадцать пять процентов акций компании, и предоставил слово её совладельцу.

– Господа, – обратился к собравшимся Манфред, – как вы знаете, наша фирма приобрела пакет акций «Эрдойль Гезельшафт» в 1938 году, что дало нам право занять пост вице-председателя Совета директоров. Все эти годы интересы фирмы в Совете представлял наш младший партнёр «Ленхард и компаньоны». В действительности приобретение акций не было обычной финансовой операцией. Соглас-

но договору между предыдущим владельцем пакета и «Манфред и Рорвиг» акции были переданы нам на хранение с условием вернуть их по первому требованию либо самого владельца, либо его наследников. Такой характер договора был обусловлен известными событиями в марте 1938 года. Я должен особо подчеркнуть, что юридическая сторона соглашения не противоречит ни швейцарским, ни австрийским, ни международным законам.

Манфред сделал паузу и вынул несколько листов из лежавшей перед ним кожаной папки. Напряжение в зале нарастало. Все понимали, что главное ещё впереди, и с нетерпением ожидали его.

– Владелец акций и почти вся его семья погибли в Маутхаузене, – продолжал Манфред. – Но его внук, к счастью, жив и недавно связался с нашей фирмой. Он представил все необходимые документы, не оставляющие сомнений, что является законным наследником и правопреемником своего деда. Вот договор о возвращении ему акций, о которых идёт речь, за вычетом пяти процентов, предусмотренных в виде гонорара «Манфред и Рорвиг», – Манфред взял со стола документ и показал его присутствующим. – Я уполномочен сообщить уважаемому собранию, что отныне, согласно уставу компании «Эрдойль Гезельшафт», пост вице-председателя Совета директоров переходит к юридическому лицу, которому принадлежит пятая часть её активов, что обеспечивает ему статус контролирующего акционера. А теперь позвольте мне назвать имя. Многим из вас оно хорошо известно.

Манфред выдержал паузу и обратился к Элизабет Боне, сидевшей в кресле около двери в смежную комнату.

– Элизабет, пригласите, пожалуйста, господина Макса Адлера.

В первый момент в зале повисла тишина. Но через короткое мгновение она сменилась глухим нарастающим шумом. Послышались возгласы удивления и недоумения. Кое-кто, не веря своим ушам, переспрашивал имя у соседей. Когда Макс вошёл, шум моментально прекратился. Он держался уверенно и с достоинством. Элегантный тёмно-синий костюм подчёркивал его новый статус. Прямо от двери он решительно направился к свободному креслу справа от Клауса Руппе. Прежде чем сесть, Макс медленно обвёл взглядом присутствующих, улыбнулся и отчётливо произнёс: «Здравствуйте, господа. Рад видеть вас снова». Затем сел и, после небольшой паузы, продолжил:

– Я полагаю, доктор Манфред сообщил вам необходимую информацию. Хочу лишь добавить, что я намерен самым активным образом участвовать в делах компании. Главным направлением моей работы будет зарубежная разведка. В последнее время у нас не всё благополучно в этой области. Поэтому я решил взять её под свой контроль и разобраться в причинах неудач. Я убеждён, что в венском офисе и в наших зарубежных филиалах работают прекрасные специалисты. И если мы сможем более эффективно использовать их знания и опыт, то добьёмся успеха. А теперь я готов ответить на вопросы.

В зале снова воцарилась тишина. Все были поражены, с одной стороны, краткостью и резкостью выступления, а с другой – его деловым характером. Макс увидел краем глаза, как Дейв Пауэлл незаметно положил под язык таблетку. Наконец, люди стали приходить в себя. Первым решился сломать лёд начальник юридического отдела Карл Финк, который был в приятельских отношениях с Максом до его конфликта с папуасом.

– Господин Адлер, не знаю, как вас теперь называть... – он смущённо улыбнулся.

– Так же, как и раньше, – ответил Макс.

– О'кей. Макс, прежде всего я искренне поздравляю тебя и не сомневаюсь, что твоя работа принесёт компании большую пользу. А во-вторых, не могу не

спросить... – Финк замялся. – Почему мы не знали об этом раньше? Я имею в виду то, что тебе принадлежит этот прелестный пакет.

– Ты хочешь честный ответ или уклончивый? – Макс улыбнулся.

Такой чистосердечный вопрос разрядил обстановку. Многие заулыбались, кое-кто одобрительно рассмеялся.

– Хотелось бы честный, – Финк тоже улыбнулся.

– Если честно, то раньше я и сам об этом не знал, – сказал Макс с подкупающей откровенностью.

Все засмеялись. Слово взял Гельмут Келлер.

– Позвольте искренне поздравить вас, дорогой Макс, от своего имени и от имени руководства компании. Хочу воспользоваться случаем и лишний раз подчеркнуть, что я всегда был самого высокого мнения о ваших личных и профессиональных качествах. Я совершенно убеждён в правильности вашего решения взять под контроль зарубежную разведку. Вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и сотрудничество.

– Спасибо, Гельмут, – сухо сказал Макс (раньше он не называл президента по имени, но ситуация изменилась).

После Келлера ещё несколько человек высказались в таком же духе. Последним выступил Клаус Руппе.

– Господин Адлер, – почтительно обратился он к Макс, – к сожалению, раньше я не был знаком с вами лично. Но мне приходилось неоднократно слышать, что вы прекрасный специалист. И я искренне рад, что такой профессионал, как вы, занял пост вице-председателя нашего Совета. Надеюсь на дружеское и плодотворное сотрудничество.

Макс и Руппе встали и обменялись рукопожатием. Раздались дружные аплодисменты. Как только заседание закончилось, вокруг Макса столпились те, кто не успел засвидетельствовать лояльность. Они пожимали ему руку и поздравляли, каждый в меру своей велеречивости. Был среди них и Дейв Пауэлл...

5

Офис Макса был оборудован на одиннадцатом этаже, над офисами президента и вице-президентов. К просторному кабинету примыкали комфортабельная комната отдыха и ванная. В приёмной было готово рабочее место секретаря, но пока оно пустовало. Макс вызвал начальника отдела кадров Юргена Фолкмана, чтобы обсудить вопрос о кандидатуре.

– Есть два варианта, – сказал Фолкман, – или подобрать кого-нибудь в компании, или обратиться в агентство по трудоустройству.

– Второй вариант предпочтительнее, – решил Макс. – Займитесь этим, Юрген. И не откладывайте. Офис может работать без шефа, но не без секретаря. Интервью с кандидатами проведите сами. Мои условия просты – профессионализм, приятная внешность и неглупое лицо. Но оно не должно быть слишком обезображено интеллектом.

Фолкман понимающе улыбнулся.

– Возраст? – спросил он.

– Ах да, возраст. Ну, скажем, от тридцати до сорока.

– Хорошо, займусь этим безотлагательно. А пока пришлю кого-нибудь временно.

Было заметно, что Фолкман хочет что-то сказать, но не решается.

– У вас есть что-то ещё? – спросил Макс

– Да, если позволите. Это касается вашего файла. Помните те пропавшие документы? Они нашлись.

– Вот как. Приятная новость, – Макс усмехнулся, – когда-нибудь вы мне расскажете об этом подробно...

– Могу сейчас, если хотите.

– Сейчас не надо. Можете идти.

Пауэлл и Келлер беседовали уже около часа, но Келлер продолжал делать вид, будто впервые слышит то, о чём говорит вице-президент.

– Не понимаю, куда вы клоните, Дейв? – спросил Келлер и удивлённо посмотрел на Пауэлла.

– Я бы не ставил вопрос таким образом, Гельмут. Я никуда не клоню, а просто хочу, чтобы вы поняли – мы оба в одной лодке. И если вы думаете, что Адлер отыгрывается только на мне, то заблуждаетесь.

– Не могли бы вы объяснить свою мысль более понятно? О какой лодке вы говорите? И за что Адлер должен на мне отыгрываться?

– Вот как. Надеюсь, вы не забыли, что мы поступили с ним, как бы это сказать помягче, ну, что ли, не вполне корректно. И мало найдётся на свете людей, способных простить это.

– Почему вы всё время говорите «мы»? Это были ваши личные отношения, и вам не следует впутывать меня в свои дела. Вы упорно твердили, что Адлер не отвечает профессиональным требованиям. В конце концов, он работал в отделе, который подчиняется вам. А мой принцип – не вмешиваться в отношения между подчинёнными.

– Да, но я согласовывал с вами каждый шаг.

– Не помню. Если бы это было так, то противоречило бы указанному принципу. Следовательно, ваше утверждение не соответствует истине. Элементарная логика. Что же вы всё-таки хотите, Дейв?

– Я хочу, чтобы мы вместе пошли к Адлеру и выяснили его намерения относительно нас. Неопределённость меня убивает. Если потребуется, я готов просить у него прощения. И хочу, чтобы вы сделали то же. Меня не устраивает роль единственного козла отпущения. Не забывайте, что нам под шестьдесят. И если мы окажемся на улице, то вряд ли найдём достойную работу. Но если даже и найдём, то потребуется референс от Совета директоров. А он теперь в руках Адлера. Двадцать процентов обеспечивают ему решающий голос. Всё это буквально лишает меня сна.

– Не знаю, Дейв, не знаю. Мне искренне жаль вас. Я сплю спокойно. И следуя вашей логике, я не чувствую ни малейшей вины (Келлер говорил неправду. На самом деле у него тоже появилась бессонница и он тоже был обеспокоен своим будущим, но решил во что бы то ни стало дистанцироваться от Пауэлла). Поэтому не могу принять ваше неуместное, и я бы даже сказал, наивное предложение. Если хотите, идите к Адлеру один. Но предупреждаю: не вздумайте говорить ему то, что вы сейчас здесь наплели. Прошу прощения за резкость. Только поставьте себя в более трудное положение. Мой вам совет – не дёргайтесь. Проявите знаменитую британскую выдержку. Так это, кажется, называется, – Келлер усмехнулся.

– Ну что ж, Гельмут. Тогда мне остаётся напомнить, что условием моего перехода в «Эрдойль» была продажа вам части принадлежавших мне акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. И если вы загоните меня в угол, то я вынужден буду рассказать об этом Совету директоров. Мы с вами скованы одной цепью. Вы просто обязаны помочь мне.

– Вы с ума сошли, Дейв! Бессонница лишила вас рассудка. О каких акциях вы болтаете? Мой брокер постоянно покупает и продаёт ценные бумаги. Я ему полностью доверяю и не сомневаюсь, что он действует в моих интересах. В подробности я не вникаю. Вы что, решили шантажировать меня и сделать своим врагом? Подумайте как следует.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Пауэлл и вышел из кабинета.

6

Макс с удивлением обнаружил, что многие хотят встретиться с ним и сообщить «важную информацию». Одни прямо говорили, что она касается происшедшего вокруг него за последние три года. Другие ограничивались лишь общими словами, намекая на то, что их рассказ, возможно, заинтересует его. Он догадывался, о чём все они хотят говорить. Макс знал об этом достаточно, а детали его не интересовали. Поэтому он не спешил приглашать добровольных информаторов. Единственное, что было ему не вполне ясно, это их мотивы. Впрочем, у каждого они были, по-видимому, свои. Он понимал, что если позволит открыть этот ящик Пандоры, то работать будет трудно – если вообще возможно.

Ещё в самые первые дни он вдруг с облегчением почувствовал, что у него нет ни малейшего желания сводить счёты, мстить, устраивать разборки. Сумеречные фантазии, вызванные бесследно прошедшей бессонницей, исчезли вместе с ней. Прав был Конфуций: «Избежавший сражения выиграл его». Эта мудрость справедлива для любого конфликта, независимо от его природы и масштаба. В памяти снова и снова всплывали слова деда Оскара: «Лучшая месть – это хорошо жить». Понятие «жить» не ограничивалось, конечно, только материальной стороной. Оно охватывало человеческое существование в самом широком смысле – работа, возможность и право принятия решений, реализации своих профессиональных и моральных принципов. Ну и, разумеется, финансовая независимость. Всё это у Макса теперь было. Так стоит ли унижать себя и других недостойным сведением счётов? Ещё царь Соломон предупреждал: «Не спеши мстить, ибо мстительность обитает в груди глупцов».

Правда, один человек занимал особое место в этих размышлениях. И им был, конечно, Дейв Пауэлл. По всем профессиональным и нравственным критериям он заслуживал наказания. Не мести, но справедливого наказания. И это стало для Макса настоящей моральной проблемой. Что делать с папуасом? У Макса было достаточно власти и законных оснований, чтобы вышвырнуть его из компании. Никто не встал бы на его защиту, а многие были бы рады этому. За месяц, прошедший после заседания Совета директоров, Макс ни разу не встретился с ним. Но он хорошо представлял себе, что тот должен думать и чувствовать. Он, конечно, ждёт разговора с Максом. И ждёт расплаты. Это соответствует его собственным понятиям о том, как следует расправляться с неугодными. Такое ожидание ещё более мучительно, чем само увольнение. Возможно, даже у него началась бессонница и в сумеречное время он проклинает Макса. Интересно, проклинает ли он себя? До какой черты раскаяния и унижения он способен дойти, чтобы удержаться в компании? Макс не сомневался, что папуас готов просить прощения. В его возрасте нет шансов найти другую работу, равную нынешней. А на рядовую должность бывших вице-президентов не берут. Вероятно, Пауэлл считает, что вся эта затянущаяся неопределённость лишь часть изощрённой мести, которую задумал Макс. На самом деле никакого специального плана у него не было. Он просто не знал, что делать, и поэтому откладывал разговор. В конце концов Макс решил, что разговор неизбежен, а результат его будет зависеть только от честности и искренности Пауэлла. Поэтому он не стал принимать решение заранее. Макс вызвал секретаря.

– Эрн, отметьте, пожалуйста, у себя вызов Дейва Пауэлла в следующий четверг, на конец дня. Сообщите ему об этом в четверг утром.

– Хорошо, господин Адлер.

Фолкман остановил свой выбор на Эрне после интервью с несколькими десятками претенденток на эту должность. Она обладала всеми нужными качествами

– профессионализмом, исполнительностью, мягкими манерами, приятной внешностью. Её особым достоинством было умение держать дистанцию и с посетителями, и с шефом. Эрна обозначила её с первого дня и сделала это с большим тактом. Ростом немного ниже среднего, она выглядела на тридцать лет, хотя была несколько старше. Макс был доволен тем, как она выполняла свои обязанности, и сказал об этом Фолкману.

– Рад слышать это, Макс. Буду счастлив оказывать вам услуги и в дальнейшем.

Макс обратил внимание, с какой готовностью сотрудники компании берутся выполнять его просьбы и распоряжения и какой радостью озаряются их лица после его благодарности. Было в этом что-то неестественное, преувеличенное...

Через полчаса Эрна сообщила, что на линии Дейв Пауэлл. «Он просит соединить его с вами. Я, конечно, ещё не говорила ему о вызове в четверг. Он сам позвонил», – сказала она. Макс снял трубку.

– Слушаю вас, Дейв.

– Макс, я хотел бы поговорить с вами. Не могли бы вы принять меня сегодня?

– Макс почувствовал, что Пауэлл нервничает.

– Что-нибудь срочное?

– Для меня – да.

– Хорошо. Давайте за полчаса до конца работы. Вас устраивает?

– Да, конечно. Спасибо.

Пауэлл заметно изменился. Он похудел, левый глаз подёргивался, взгляд стал какой-то потухший.

– Неважно выглядите, Дейв. Плохо себя чувствуете?

– Вид соответствует самочувствию. Макс, мне бы хотелось быть предельно честным и откровенным. Иначе нет смысла начинать разговор. Могу я рассчитывать на беседу в таком духе?

– Разумеется. Всё зависит от вас. Я, так же, как и вы, не намерен ходить вокруг да около.

– Хорошо. Мне трудно начать. Впрочем, мы оба знаем, что произошло. И, как ни парадоксально, это облегчает задачу. Вы были несправедливо и незаслуженно уволены. Перед этим вы подвергались недостойным унижениям. Тяжело говорить об этом, но значительная часть вины лежит на мне.

– Что значит – значительная? Вы хотите сказать, что кто-то ещё разделяет её с вами?

– Да. Келлер. Когда я сообщил ему о вашей злополучной карте, он сказал, что если нас ждёт провал в заливе Папуа, то лучше, чтобы никто не знал о ней. Иначе выяснится, что мы получили предупреждение и проигнорировали его. Одно дело – просто неудача, от которой никто не застрахован. И совсем другое – неудача, которой можно было избежать. Особенно в данном случае, когда речь шла о десятках миллионов долларов.

– И вы решили убить того, кто принёс плохую весть? Kill the messenger.⁶

– Звучит слишком прямолинейно, но, к сожалению, это так. Не могу отрицать. Келлер был полностью осведомлён о тех шагах, которые предпринимались против вас, и санкционировал их. Больше того, он даже ужесточал их. Например, первоначальный срок проекта по Калимантану был три месяца, но он сократил его до двух. Не примите за лесть, Макс, но мы были поражены тем, как блестяще вы справились с практически невыполнимым заданием. В глазах Келлера это сделало вас ещё более опасным.

– А в ваших?

– Ну что ж. Я должен быть честным. В моих тоже. Несправедливо всё валить на Келлера. Моё положение в компании было более уязвимым, чем его. Я был

⁶ Убей гонца – англ.

новый человек, к тому же иностранец. И разведка в заливе Папуа была моей идеей. Правда, Келлер её поддержал и как бы стал соавтором проекта. Он тоже нуждался в быстром крупном успехе. Одним словом, наши личные интересы совпали. И тут появились вы, Макс, с этой ужасной картой. Я просто запаниковал, потерял голову и повёл себя не по-джентльменски, мягко говоря. Сказать, что я сожалею, значит ничего не сказать. Я чувствую себя по уши в дерьме.

– Кто распорядился изъять документы из моего файла в отделе кадров? – перебил его Макс.

– Распорядился я, но предложение исходило от Келлера.

– Скажите, Дейв, каковы ваши личные отношения с ним? Когда он пригласил вас на должность вице-президента, многие в компании были удивлены. Что связывало вас с ним до этого?

Пауэлл напрягся. Левый глаз начал дёргаться сильнее. Макс это заметил.

– Ничего особенного. Только общие деловые и профессиональные интересы. Я работал старшим менеджером в «Кинг Эксплорэйшн». Мы и «Эрдойль» были партнёрами на нескольких блоках в Австралии и Индонезии. Тогда я и познакомился с Келлером. Ему понравился мой подход к разведочным проблемам, и он предложил мне пост вице-президента.

– Хорошо. Напоминаю, Дейв, мы договорились об абсолютной честности и искренности. Вы хотите сказать что-то ещё?

– Да. Так вот, я по уши в дерьме. У вас, Макс, есть достаточные моральные и профессиональные основания уволить меня. Я даже не могу надеяться на золотой парашют⁷. Но дело не только в деньгах. Мне пятьдесят восемь лет, и я просто не готов оказаться на улице – ни морально, ни физически. Понимаю ваши чувства ко мне и всё же не могу не сделать попытку начать новую страницу в наших отношениях. У меня две просьбы. Первая – если можете, простите то зло, которое я причинил вам. Поверьте, я глубоко и искренне раскаиваюсь. И вторая – я бы хотел остаться в компании в каком-нибудь профессионально достойном статусе. Полагаю, что я неплохой геолог и смогу принести пользу.

– Дейв, вам знакомо имя Ли Якокка?

– Ли Якокка? Это, кажется, бывший президент компании «Форд», который потом перешёл в «Крайслер». Вы о нём говорите?

– Да, тот самый. Вы читали его автобиографию?

– Нет, не попадалась.

– Прочитайте. Настоятельно рекомендую. А теперь о ваших просьбах. Давайте по порядку. Не в моих правилах бить лежачего. А вы, Дейв, сейчас именно в таком положении. Кроме того, вы сами себя наказали. Это избавляет меня от неприятной необходимости делать это ещё раз. Что касается прощения, то договоримся так: я вас прощаю, но ничего не забываю. И можете мне поверить – я никогда не напомню вам об этом, если вы сами не дадите повод. А насчёт работы моё мнение таково. Хороший специалист – не всегда и не обязательно порядочный человек. И наоборот – порядочный человек не обязательно хороший специалист. Ваши человеческие качества мне ясны. И с этим ничего не поделаешь. Но у меня нет чёткого представления о том, какой вы геолог. Допускаю, что ваша ошибка со скоростями в заливе Папуа лишь досадное недоразумение. «Эрдойль», как и любая другая компания, – это не конгрегация ангелов и не клуб джентльменов. Каждый ценится по тому вкладу, который вносит в главное дело – увеличение прибылей компании и дивидендов акционеров. Поэтому решение вопроса о рабо-

⁷ Оговоренная в личном контракте крупная денежная компенсация, выплачиваемая высшим руководителям компании в случае увольнения. Это обязательство теряет силу, если поводом для увольнения служит грубая профессиональная ошибка, причинившая большой ущерб компании, или серьёзное нарушение морально-этических норм.

те возможно лишь после того, как я смогу оценить ваши профессиональные качества. А для этого вы должны выполнить самостоятельный проект, включающий полный аналитический цикл – расшифровка геологической структуры концессии, оценка её нефтяного потенциала, составление плана разведочных работ, определение степени их риска, экономический анализ. Вам будет дан достаточно реальный срок, после чего мы вернёмся к вопросу о вашем статусе. На время проекта формально сохраняется ваша нынешняя должность. А сейчас возьмите двухнедельный отпуск и приведите себя в форму. Проектное задание получите по возвращении. Вот всё, что я могу сказать по поводу ваших просьб. Вас устраивают эти условия?

- О да, Макс. Более чем устраивают. Спасибо.
- Хорошо. Разговор должен остаться между нами. Можете идти.

Через две недели Пауэлл снова появился в кабинете Макса. Он выглядел спокойным, посвежевшим, глаза оживились.

– Ну вот, теперь я вижу перед собой прежнего Дейва Пауэлла, – улыбнулся Макс.

– Спасибо, Макс. Это только внешне. Не боюсь признаться – я сильно переменялся. Заглянул в себя, покопался в душе, многое обдумал и переосмыслил. Имел обстоятельную беседу со своим пастором. Я ведь принадлежу к англиканской церкви. И конечно, прочитал внимательно Ли Якокку.

«Поздновато вспомнил о Боге. Надо было побеседовать с пастором раньше...» – подумал Макс, но спросил о другом.

– А, прочитали? Ну и как?

– Очень поучительная и впечатляющая история. Её должен знать каждый, кто распоряжается судьбами других. Меня особенно поразили его откровенные слова о том, что, оказавшись уволенным, он сразу же вспомнил всех тех, кого уволил сам, и мысленно отождествил себя с каждым из них.

– Да, помню эти слова. Не зря я рекомендовал вам книгу?

– Нет, не зря. Спасибо.

– Теперь о проекте. Вам приходилось работать в Альберте?

– Нет, не приходилось.

– Это хорошо. В таком случае у вас будет преимущество непредвзятого подхода к разведочной проблеме. А проблема очень сложная. Давайте посмотрим карту.

Они подошли к рабочему столу, на котором лежала детальная карта северной части провинции Альберта. Обширный район Стин Ривер на границе с Северо-Западными территориями был обведён красным фломастером.

– Вот этот район, Дейв. Площадь двенадцать тысяч квадратных километров. На протяжении последних пятнадцати лет разведка здесь проводилась в разное время более чем двадцатью компаниями. Пробурены около ста сорока скважин и открыты только два небольших месторождения. Сейчас разведка почти полностью прекращена. Но я убеждён, что нефтяной потенциал района достаточно высокий и не ограничивается этими открытиями. Для успешной разведки необходима принципиально новая геологическая концепция. Вот почему я сказал о преимуществе непредвзятого подхода. Над вами не довлеют идеи и представления, которые лежали в основе прежних поисковых работ. Вы должны заново осмыслить и проанализировать все геологические и геофизические материалы, изучить керн⁸. Попытайтесь разработать собственную концепцию. Для этого нужно хорошее знание как правильных, так и ошибочных решений при разведке множества открытых ранее месторождений. Знаете, что отличает шахматных гроссмейстеров от рядовых игроков? Они опираются на знание бесчисленных прошлых игровых

⁸ Образцы пород, извлекаемые в процессе бурения из разведочных скважин.

позиций. Для нас игровая позиция - это стратегия и тактика изучения разведочного блока. Через шесть месяцев правительство Альберты проводит тендер на нефтепоисковые концессии в этом районе. Поэтому я должен получить окончательные результаты ваших исследований не позже, чем через пять месяцев. Основную часть работы будете выполнять в Канаде. Я дал указание нашему филиалу в Калгари оказать вам всяческое содействие. У вас есть вопросы, Дейв?

– Пока нет. Как будто бы всё ясно.

– Хорошо. В таком случае – вот проектное задание, – Макс протянул Пауэллу несколько переплетённых страниц. – Да, кстати, когда вы последний раз работали с керном?

– Лет десять назад.

– Ну что ж, вам будет полезно освежить свои навыки. Для меня нет ничего более волнующего и информативного, чем образцы пород, поднятых с глубины нескольких тысяч метров. Они как бы позволяют заглянуть в чрево Земли. Керн – это главный и объективный свидетель того, что происходило там миллионы лет назад. И если вы зададите этому свидетелю правильные вопросы, то получите правильные ответы. Желаю успеха, Дейв.

– Спасибо, Макс.

7

Макс и Гуго Манфред обедали в ресторане делового клуба. Они обсудили ряд юридических вопросов, и Гуго, у которого была ещё одна встреча, ушёл первым. Макс остался и заказал десерт. В этот момент к нему подошёл незнакомый человек небольшого роста и неопределённого возраста, с круглой лысой головой и роговыми очками на крупном носу.

– Здравствуйте, господин Адлер. Приятного аппетита. Меня зовут Дитрих Хаузер, брокер. – Он положил на стол свою визитную карточку. – Мне бы хотелось поговорить с вами, если не возражаете.

Макс жестом указал на стул.

– Надеюсь, я не помешал. О вас сейчас много говорят в деловых кругах, господин Адлер. То, что произошло в «Эрдойль», вызвало большой интерес у всех – бизнесменов, финансистов, журналистов. Не буду скрывать, у меня вопрос чисто профессиональный. Судя по газетам, вам принадлежит двадцать процентов акций компании. Должен заметить – впечатляющий пакет. И я подумал, не хочет ли господин Адлер увеличить его и сделать ещё более впечатляющим. Вам интересно то, что я говорю? – Хаузер вопросительно посмотрел на Макса.

– Продолжайте.

– Спасибо. Так вот, я мог бы провести анализ рынка ценных бумаг и приобрести для вас дополнительный пакет. Смею уверить, у меня есть достаточный опыт работы с акциями нефтяных компаний. И мои клиенты всегда остаются в выигрыше. Не буду называть имена, но среди них есть и ваши коллеги из «Эрдойль». Для одного из них мне удалось приобрести на очень выгодных условиях пакет акций английской нефтяной компании. – Хаузер был говорлив, как всякий брокер.

При упоминании большой английской компании у Макса внезапно возникла смутная реминисценция. Даже не реминисценция, а некая необъяснимая интуитивная догадка, которая приходит казалось бы ниоткуда, из воздуха, но затем подкрепляется доказательствами и превращается в уверенность. Единственной зацепкой, своего рода сигналом, послужила прошлая работа Пауэлла в «Кинг Эксплорэйшн» и то смятение, которое вызвал у него вопрос о личных отношениях с Келлером до перехода в «Эрдойль». Но догадку надо было проверить, не вызвав подозрений собеседника.

– Английской компании? – переспросил Макс. – Насколько я знаю, сейчас не время покупать их акции. Стоимость слишком высока. Покупать надо было года три назад.

– Приятно иметь дело со специалистом, господин Адлер. Я сделал это именно тогда. И заметьте, моему клиенту они обошлись на восемнадцать процентов дешевле даже тогдашней низкой цены. Представляете, сколько он может заработать на них сейчас?

– Представляю. Да, это было хорошее время для покупки. Помню, тогда был особый спрос на акции «Кинг Эксплорэйшн». Уж не о них ли вы говорите, господин Хаузер?

На лице брокера отразилось явное изумление.

– Господин Адлер, вы проницательный человек. Имена клиентов и названия компаний – это профессиональная тайна. Но раз уж вы сами догадались... Да, это был «Кинг». Не лучше ли закончить этот рискованный экскурс в прошлое, а то вы, чего доброго, назовёте имя клиента. – Хаузер натянуто улыбнулся.

– Хотите услышать его?

– Ну, знаете ли... Это уж чересчур... Я вам ничего не говорил. – Хаузер вдруг не на шутку встревожился.

– Нет, конечно. Вы не говорили. Но оно написано у вас на лбу – Гельмут Келлер.

Брокер непроизвольно закрыл лоб ладонью. Макс рассмеялся.

– Это надо было делать раньше, господин Хаузер. Я успел прочитать. А сейчас выше вашей ладони появилось ещё одно имя – того, кто продал акции Келлеру.

– Я вас умоляю. Ради Бога, – взмолился брокер. – Это была строго конфиденциальная сделка. Вы меня погубите.

– Не беспокойтесь. Наш разговор такой же конфиденциальный, как и сделка между Келлером и Пауэллом.

Хаузер вскочил со стула.

– Рад был познакомиться, господин Адлер... В другой раз... Извините, сейчас спешу... – Он схватил со стола свою визитную карточку и почти выбежал из ресторана.

Макс вошёл в приёмную управляющего банком в точно назначенное время.

– Здравствуйте, господин Адлер, – улыбнулась секретарь. – Господин Руппе ждёт вас.

– Рад видеть вас у себя, дорогой Макс, – Руппе вышел из-за стола и протянул руку. Давайте присядем за боковой столик.

Они устроились в удобных креслах и, перед деловым разговором, обменялись несколькими фразами о погоде и курсе акций.

– Дорогой Клаус, – начал Макс, – я бы хотел обсудить с вами деликатную проблему. Речь пойдёт о Гельмуте Келлере. Мне стало известно, что три года назад, когда он пригласил Пауэлла на должность вице-президента, между ними была заключена сделка. Пауэлл продал Келлеру часть своего пакета акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. Я даже знаю, насколько ниже – на восемнадцать процентов. Другими словами, Келлер получил взятку, или, называя вещи своими именами, продал должность. У меня был обстоятельный разговор с Пауэллом, но эта сделка не была им упомянута. Я знаю о ней из другого источника. Такова проблема.

– Невероятно! – воскликнул Руппе. – Почти как в той нашумевшей истории с итальянской фармацевтической фирмой. Но там было чисто мафиозное дело. Насколько надёжен ваш источник?

– Достаточно надёжен. Но мы можем проверить информацию. Для этого я и пришёл к вам. Я предлагаю пригласить Келлера и прямо заявить ему, что нам это

известно. Посмотрим, какова будет реакция. Если он признается, то у нас останется только один выход – уволить его. В этом случае о золотом парашюте не может быть и речи. Единственная уступка, которую можно сделать, – не начинать уголовное расследование. Каково ваше мнение?

– Вы сами сказали, Макс, – если он признается. А если нет? Если он будет всё отрицать, а у вас не найдётся веских доказательств? Представляете, в каком положении мы окажемся. Прежде чем принимать решение, я хотел бы узнать, как вам удалось получить информацию.

Макс подробно рассказал о разговоре с брокером. Руппе поморщился.

– Извините, Макс, но это несерьёзно. Нет ни одного финансового документа. Что вы предъявите Келлеру?

– Мне понятны ваши сомнения, Клаус. Но у меня есть внутренняя уверенность, что это так. Видите ли, вы можете судить о моём разговоре с брокером и о тех психологических нюансах, которыми он сопровождался, только по моему пересказу. А я был его непосредственным собеседником, видел его глаза, выражение лица, мимику, жесты. Всё это трудно передать словами. Я убеждён, что, назвав ему имена Келлера и Пауэлла, попал в точку. Его поведение убедило меня в этом на сто процентов. Поэтому я готов рискнуть и сделать то, что предлагаю. Я, конечно, могу вызвать Келлера и сказать ему об этом сам. Но лучше это сделать вдвоём. Вы будете просто присутствовать и примете участие в разговоре только в том случае, если посчитаете нужным. Можете даже поддержать Келлера, если увидите, что обвинения против него необоснованны. У вас карт-бланш в этом отношении и никаких предварительных обязательств. Согласны на такой вариант?

В словах и интонациях Макса послышались присущие ему жёсткость и непреклонность, которые уже стали известны в «Эрдойль» и которым было трудно противостоять. Руппе это почувствовал.

– Хорошо, – сказал он после некоторого раздумья, – на такой вариант я, пожалуй, соглашусь. Но в этой истории есть и другой участник. Что будем делать с Пауэллом?

– Да, роль Пауэлла тоже неприглядна. Но между ними есть разница. Пауэлл специалист, профессиональный нефтяной геолог. А Келлер – профессиональный президент. До «Эрдойль» он был генеральным директором бумажного синдиката. С его уходом компания ничего не потеряет. В отношении Пауэлла я принял другое решение. Ему дана возможность проявить свои профессиональные качества. Сейчас он в Канаде. Работает над довольно сложным разведочным проектом. Через месяц должен закончить. Если пройдёт тест, то сможет остаться в компании на должности консультанта или советника.

– Знаете, Макс, не могу не сказать – с вашим приходом в «Эрдойль» появилась твёрдая рука. Это именно то, чего нам не доставало в последние годы. Общая атмосфера стала не очень здоровой. Интриги, подсиживания и доносы пагубно отражаются на деловой активности и прибылях компании. Совет директоров – это связующее звено или скорее своего рода буфер между руководством и акционерами, а они очень болезненно реагируют на снижение дивидендов. И я как председатель Совета хорошо это чувствую. Поэтому в своих усилиях оздоровить обстановку и добиться увеличения прибылей вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и содействие.

– Спасибо, Клаус. Рад слышать это. Итак, в отношении Келлера мы договорились.

8

Работа над проектом Стин Ривер близилась к завершению. После долгих лет администрирования на руководящих должностях Пауэлл снова ощущал вкус настоящей работы. «Зарубежные записки» №10/2007

щего творческого исследования, когда сплав личного опыта, знаний и логики превращается в тонкий инструмент познания. Он позволяет расшифровать скрытую геологическую структуру и выявить те её особенности, которые контролируют размещение нефтяных залежей на глубине нескольких тысяч метров. От всего этого он получал ни с чем не сравнимое профессиональное и моральное удовлетворение.

Приступая к проекту, Пауэлл испытывал беспокойство и даже тревогу. Слова Адлера о разработке принципиально новой разведочной концепции казались ему просто ловушкой. О какой новой концепции можно говорить в районе, в котором до этого более двадцати компаний испробовали, вероятно, все мыслимые геологические решения и варианты? Кто он такой, чтобы сделать то, что они не смогли или не считали нужным делать? Но постепенно, по мере анализа материалов, беспокойство сменилось сначала недоумением, а затем и уверенностью, что новая концепция вполне реальна. Основанием для этого послужило довольно неожиданное и странное обстоятельство. Оказалось, что все предыдущие многократные попытки обнаружения нефти базировались на различных вариантах одной и той же ошибочной геологической идеи. Эти варианты создавали иллюзию разных подходов, но в действительности в течение пятнадцати лет ничего не менялось.

Изучив керн, Пауэлл пришёл к выводу, что главной геологической особенностью района были древние коралловые рифы, образовавшиеся более трёхсот миллионов лет назад и залегающие на глубине трех тысяч метров. Именно они и были подобно губке насыщены нефтью. Ни одна из компаний, работавших здесь прежде, почему-то не обратила на это внимание. Впрочем, Пауэлл знал, что такой психологический феномен не редкость в нефтеразведке. Каждая новая компания автоматически следует идеям и представлениям предшественников и повторяет их ошибки. Такое явление называется эффектом «накатанной колеи». Это продолжается до тех пор, пока кому-то не удаётся увидеть проблему свежим взглядом, применить для её решения, как говорят американцы, *open mind approach* – «незашоренный подход».

Определяя под микроскопом тип породы и нанося результаты на карту, Пауэлл с удовольствием наблюдал, как хаотическая, на первый взгляд, мозаика приобретает закономерные очертания и превращается в цепочку рифов, обрамляющих внутреннюю лагуну. Когда карта была закончена, она напоминала современные кольцевые рифовые атоллы Тихого океана. Глядя на неё, Пауэлл испытывал не только профессиональное удовлетворение, но и подлинное эстетическое наслаждение. Так возникла новая концепция и новое направление разведки – бурить скважины надо было на вершинах рифов.

Макс внимательно и с большим интересом рассматривал карты, развешенные Пауэллом на стенах кабинета. Он вдруг вспомнил о своём недавнем желании отправиться на экзотические рифовые атоллы Тихого океана. «Поразительно, – подумал он, – как мечты могут порой обернуться неожиданной фантастической реальностью из иной геологической эпохи». Вот перед ним древний рифовый атолл Стин Ривер, удивительно напоминающий современный атолл Кваджалейн в группе Маршалловых островов. Такая же лагуна и такое же кольцо рифов, обрамляющих её. Он насчитал около тридцати отдельных рифовых вершин, разных по площади и очертаниям. Даже размеры обоих атоллов одинаковы – длина около ста километров, ширина двадцать пять километров. Макс поймал себя на мысли, что вместо Тихого океана совершает путешествие в прошлое, на триста миллионов лет назад...

Пауэлл давал подробные объяснения и отвечал на вопросы. Наконец, они закончили обсуждение и Макс подвёл итог. Он знал: ничто, даже деньги, не ценятся больше, чем признание и похвала.

– Поздравляю, Дейв, – прекрасная работа. Это именно то, что я имел в виду, предложив вам канадский проект. Принципиально новая разведочная концепция. Теперь у нас есть все основания участвовать в тендере. Проблема только в том, что не каждый риф содержит нефть. Вот если бы мы могли заранее дифференцировать их... Но для этого нужен прямой метод, а он пока не существует.

– Интересный вопрос вы затронули, Макс, – сказал Пауэлл. – Я имею в виду прямой метод. В Канаде я услышал удивительную историю. Года три назад там появилась таинственная компания «Дабл Эй». Они работали на разведочном блоке недалеко от Стин Ривер. И первой же скважиной открыли крупное месторождение Камерон. Потом продали его японцам. Но самым поразительным было то, что они не проводили сейсмику, а сразу начали бурение. Многие в Альберте до сих пор убеждены, что «Дабл Эй» использовала какой-то прямой метод. Вы что-нибудь знаете об этом?

– Впервые слышу. А где они сейчас?

– Никто не знает. После продажи Камерона о них ничего не известно. Я смутно припоминаю, что нечто подобное рассказывали и в Австралии. Но подробности не знаю. Всё это немного напоминает легенду о летучем голландце, – усмехнулся Пауэлл. – Но в Канаде это не легенда. Месторождение Камерон существует.

– Что ещё известно об этой «Дабл Эй»? Из какой они страны?

– Это тоже загадка. Одни говорят, что компания итальянская, другие – что это какая-то группа из Южной Африки. В общем, вопросов больше, чем ответов.

– Интересно. Не могли бы вы собрать всю информацию, включая по Австралии, и изложить её в записке. У вас же сохранились австралийские связи. Используйте их. И не откладывайте.

– Хорошо. Сделаю всё, что смогу.

– А теперь о вашем статусе. Я предлагаю вам должность специального советника по зарубежной разведке. Будете сотрудником технической группы Совета директоров и подчиняться непосредственно мне. Это обеспечит вам независимость от руководства компании. Зарплата, конечно, ниже, чем нынешняя, но машина и основные бенефиты сохраняются. Согласны?

– Да.

– Прекрасно. Ваша ближайшая задача – подготовка к канадскому тендеру. – Макс сделал паузу и неожиданно сменил тему. – Есть ещё один вопрос, из другой области. Что это за история с продажей вами три года назад акций «Кинг Эксплорэйшн» Келлеру?

Пауэлл бросил на Макса взгляд, полный удивления и тревоги.

– Макс, только что вы предложили мне должность советника. Это окончательно?

– Да, да. Не беспокойтесь. Вопрос не имеет отношения к предложению. Но я хотел бы услышать всю историю непосредственно от вас, чтобы устранить последние недомолвки между нами. Итак, вы продали ему свой пакет или часть пакета. Кто был инициатором сделки?

– Инициатива, разумеется, исходила от Келлера. Он дал мне ясно понять, что приглашение на должность вице-президента «Эрдойль» зависит от моего согласия. После долгих сомнений и раздумий я пошёл на это. Могу я спросить, Макс, – от кого вы узнали об этом? Ведь не от Келлера?

– Источник не имеет значения. Но это, конечно, не Келлер. На сколько цена была ниже рыночной?

– На восемнадцать процентов.

– Вы понимаете, что дали взятку?

– Понимаю.

– Считаете ли вы, что вас принудили к этому?

– В некоторой мере это так, хотя окончательное решение было, конечно, моё. Я бы мог просто остаться в «Кинг Эксплорэйшн». Но тогда мне казалось, что должно быть вице-президента «Эрдойль» – это новый важный шаг в карьере. В «Кинге» такой перспективы у меня не было. Короче, обычные амбиции и тщеславие...

– Ну что ж, одному из вас придётся уйти. Вы сделали хорошую работу в Канаде и доказали, что можете быть полезны компании. Как я уже говорил вам однажды, «Эрдойль» – это не клуб джентльменов, а машина, которая делает деньги для акционеров. Поэтому вы останетесь, а Келлер уйдёт.

Сказав это, Макс вспомнил китайскую мудрость: «Врага можно уничтожить, но лучше превратить в друга». Будет ли такой друг искренним – это отдельный вопрос. Но искренних друзей вообще мало, да и спрос на них невелик. Неожиданно в голову пришёл каламбур, который как бы подвёл итог этим размышлениям, – из двух зол выбирай то, на которое меньше зол. Как ни странно, на Пауэлла он теперь был зол меньше, чем на Келлера. Возможно потому, что Пауэлл раскаялся и принял позу покорности. Даже в мире животных схватка прекращается, когда один из противников принимает такую позу. Впрочем, в мире людей его обычно добивают... И чем более справедливым и гуманным провозглашает себя общество, тем более убеждённо оно следует этой суровой традиции, которая отличает его от волчьей стаи. Но на заре человечества, когда люди ещё не превратились в *Homo sapiens* и не были облагорожены цивилизацией, они, вероятно, вели себя подобно своим меньшим братьям. Иначе они бы не выжили... Вопреки неписаным правилам, Макс считал такое поведение не только более цивилизованным, но и более разумным. Он решил оставить Пауэлла не потому, что тот раскаялся, а потому, что увидел в нём хорошего геолога. Выбросить его из компании было бы всё равно, что выбросить деньги. А избавиться от Келлера было равносильно сохранению денег. В конце концов, нефть находят не президенты, а специалисты. Хороший президент отличается от плохого тем, что не мешает им...

Макс и Клаус Руппе ожидали прихода Келлера. Эрна уже позвонила ему и пригласила зайти через полчаса. Он должен был появиться с минуты на минуту.

– Итак, Клаус, я прямо спрошу его об этой сделке с акциями. А потом вы сами решите – следует ли вам вступать в разговор. Договорились?

– Да, договорились. – Голос и выражение лица Руппе показывали, что чувствует он себя не очень уверенно.

– Кстати, в прошлый раз вы подняли вопрос о Пауэлле. Могу сообщить, что он сделал очень хорошую работу в Канаде. Разработал принципиально новую разведочную концепцию. Я предложил ему должность специального советника по зарубежной разведке.

– Хорошо. Принимаю к сведению.

Келлер вошёл с дежурной приветливой улыбкой на лице.

– Здравствуйте, господа. Должен сказать, приглашение несколько неожиданное. Я как раз собирался на важную встречу в Ассоциацию промышленников.

– Сожалею, Гельмут. Но у нас к вам небольшой вопрос. Надеюсь, это не займёт много времени, и вы ещё успеете на встречу. Вопрос касается покупки вами около трёх лет назад пакета акций «Кинг Эксплорэйшн».

– Что именно вас интересует? – На лице Келлера не дрогнул ни один мускул.

– Нас интересуют два обстоятельства. Во-первых, были ли акции приобретены на бирже или непосредственно у определённого акционера? Во-вторых, если они были куплены не на бирже, то отличалась ли цена от рыночной?

– Видите ли, господа, такими операциями занимается мой брокер, и я не очень вникаю в его действия. А кроме того, и это самое главное, моя финансовая

деятельность – дело сугубо личное. Я не понимаю, почему должен отвечать на такие вопросы. – Келлер говорил спокойно и держался уверенно.

– В данном случае эта финансовая операция выходит за рамки вашего частного бизнеса. Вы купили у Пауэлла акции по цене на восемнадцать процентов ниже рыночной. Иными словами, вы продали ему должность вице-президента, – голос Макса был жёстким. – У вас есть две возможности – либо уйти добровольно, либо расследованием займётся уголовная полиция. Добровольный уход предотвратит огласку. При полицейском расследовании избежать её будет невозможно. Решение за вами. Ответ можете дать прямо сейчас или завтра.

Наступило долгое молчание.

– Гельмут, неужели это правда? – не выдержал Руппе.

– Сегодня, господа, я вручу вам заявление об отставке, – невозмутимо ответил Келлер и вышел из кабинета.

9

Владелец компании «Дабл Эй» Шмуэль и адвокат Рон Берман обсуждали ситуацию, сложившуюся на блоке Уинтон. После гибели Алекса и Андрея разведочные работы на нём были остановлены, а три скважины, давшие нефть, законсервированы. По условиям контракта с правительством штата Квинсленд разведка должна была быть завершена ещё полгода назад. Нарушение сроков предусматривало штрафные санкции, вплоть до лишения прав на концессию и объявления повторного тендера. Но на заседании конфликтной комиссии Берману удалось доказать, что временное прекращение работ связано с оговоренными в контракте форс-мажорными обстоятельствами, и «Дабл Эй» получила отсрочку ещё на полгода.

– Нам нужен опытный геолог. Где его взять? – сказал Шмуэль.

– Может быть, поискать в Израиле? Здесь же есть несколько нефтяных компаний и геологический институт, – предложил Рон.

– Ты серьёзно? Эти компании уже сорок лет безрезультатно ищут нефть на миниатюрной территории. Они даже не знают, с какого конца подойти к проблеме. Нет, эти люди нам не подходят. Нужен геолог, не уступающий по профессиональному уровню Алексу. И самое важное, учитывая незащищённость нашего метода, это не должен быть человек с улицы. Поэтому мы не можем искать его по объявлению в газетах. Главное условие – личное знакомство и безусловное доверие с нашей стороны. Всё упирается в то, что у меня нет никаких связей в мире нефтеразведки. Как с этим у тебя, Рон? Не приходилось ли иметь дело с нефтяниками?

– Дело иметь не приходилось. Но я смутно припоминаю, что у жены есть родственник в Австрии. Она как-то говорила, что он нефтяник. Правда, не знаю его конкретную специальность. Связь между ними давно прервалась. Вот такая скудная информация. Может быть, попробовать разыскать его?

– Да, информации не много. Но, в любом случае, мы ничего не теряем. Займись этим, Рон.

Через несколько дней в доме Макса раздался телефонный звонок.

– Добрый вечер. Это дом господина Адлера? – услышал он незнакомый женский голос.

– Да, это дом Адлера.

– Могу я говорить с Максом?

– Я слушаю вас.

– Это Макс? Здравствуй, Макс. Ты сейчас очень удивишься. Это Эстер Ландау-Берман, Эсти. Я звоню из Израиля. Ты помнишь меня?

– Эсти? Дочь дяди Альфреда? Это ты?

– Да, я. Конечно, я. Очень рада, что не забыл. Столько лет не слышали друг о друге... Как ты, Макс? Как Паула?

– Я в порядке, спасибо. А с Паулой мы давно развелись.

– Извини. Я не знала... Макс, ты, конечно, понимаешь, что я разыскала тебя не без повода.

– Догадываюсь.

– А повод такой. Мой муж, Рон Берман, юридический консультант в области бизнеса и ведёт дела одной нефтяной фирмы. Он попросил меня связаться с тобой. Я помню, что ты нефтяник, но забыла, чем именно занимаешься. Напомни, пожалуйста.

– Я геолог. Занимаюсь разведкой нефти.

– Прекрасно. Рон хотел бы поговорить с тобой, если не возражаешь.

– Конечно, не возражаю. Буду рад.

Эстер передала трубку Рону.

– Здравствуйте, господин Адлер. Это Рон Берман. Эсти рассказала обо мне в общих чертах. Дело в том, что наша фирма заинтересована в сотрудничестве с опытным нефтяным геологом. И главное условие – доверительный характер профессиональных и деловых отношений. Поскольку вы и Эсти родственники, я подумал, что это могло бы обеспечить соблюдение такого условия.

– Спасибо, господин Берман. Нельзя ли уточнить, о каком сотрудничестве идёт речь?

– Что-то близкое к консультированию разведочного проекта.

– Боюсь, не смогу быть вам полезен. Я не занимаюсь частными консультациями. Но могу порекомендовать хорошего специалиста. Как называется ваша фирма?

– Фирма не очень известная. Вы вряд ли слышали о ней. Называется «Дабл Эй».

Максу потребовалась продолжительная пауза, чтобы не выдать волнения, охватившего его при этих словах. Рон подумал, что связь прервалась.

– Вы на линии, господин Адлер?

– Да, да, я на линии. Представьте, господин Берман, я слышал кое-что о вашей фирме. Вы ведь работали в Канаде и, кажется, открыли там месторождение Камерон. Не так ли?

Теперь настала очередь Рона удивиться.

– Да, это были мы. Вы хорошо информированы, господин Адлер.

– Зовите меня Макс. Могу я называть вас Рон?

– Да, конечно, Макс. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что название фирмы изменило ваше отношение к моему предложению. Не так ли?

– Вы не ошибаетесь, Рон. Пока ничего не могу сказать о консультировании проекта, но хотел бы встретиться с вами.

– Прекрасно, Макс. Где вам удобнее – в Израиле или Вене?

– В Вене было бы удобнее.

– Хорошо. В ближайшие дни мы с Эсти будем у вас.

Шмуэль внимательно выслушал рассказ Рона о разговоре с Максом.

– Пока преждевременно говорить о чём-то определённом, – заключил он. – Мы знаем только, что он нефтяной геолог и что он родственник Эсти. Как ты понимаешь, этого недостаточно. Кстати, какое у них родство?

– Макс – троюродный брат Эсти.

– Понятно. Это ещё ни о чём не говорит. Тебе предстоит выяснить, во-первых, каков его профессиональный уровень. Не знаю, сможешь ли ты это сделать, не будучи сам геологом. И всё же постарайся составить хотя бы общее представление. Он не назвал свою должность в компании?

– Нет, не назвал. А спрашивать было неудобно.

– Да, конечно. И второе – нужно оценить его человеческие качества, то, что американцы называют integrity⁹. Вопрос в том, насколько мы можем ему доверять. Ну и, разумеется, ты не должен раскрывать техническую сущность метода. Только самые общие сведения. Нельзя предвидеть, как и в каком направлении пойдёт ваш разговор. То, что он знает о Камероне, – и хорошо, – и плохо. Хорошо потому, что не будет воспринимать метод как некую фантазию, афёру. А плохо потому, что может оказаться из породы охотников за чужими секретами, с которыми мы уже имели дело. В общем, Рон, задача у тебя не простая. Желаю успеха.

10

Макс встретил Эсти и Рона в аэропорту Швехат и отвёз в гостиницу «Бристоль» в центре Вены. Они поднялись в номер и только здесь более внимательно разглядели друг друга. Макс и Эсти не виделись лет тридцать, если не больше. Тогда она была пятнадцатилетним подростком, а он только что окончил университет. Теперь Эсти стала интересной элегантной дамой, с хорошо сохранившейся фигурой и живым выразительным лицом. Она старалась держаться непринуждённо, по-родственному. Но из-за такого долгого перерыва у них не нашлось общих тем ни для разговора, ни для семейных воспоминаний. Макс задал стандартный вопрос о детях. Эсти ответила с преувеличенным энтузиазмом и подробностями. Затем Макс, отвечая на такой же вопрос, сказал, что живёт один, детей у него нет. На этом семейная тема была исчерпана. Чтобы заполнить паузу, Макс и Рон обменялись замечаниями о положении в мировом нефтяном бизнесе, но вскоре увлеклись, и разговор пошёл более оживлённо. Хотя это была всего лишь вежливая беседа, чтобы как-то заполнить обязательные для такой встречи двадцать-тридцать минут, они внимательно присматривались друг к другу. Оба понимали, что их ожидают серьёзные переговоры, последствия которых пока трудно предсказать. Судя по всему, их первые взаимные впечатления были благоприятными. Эсти сразу же уловила это и предложила мужчинам перейти на «ты».

– Вы же родственники, хотя и дальние. И, мне кажется, без труда найдёте общий язык. Почему бы вам не перейти на «ты». Так будет проще говорить о делах, – сказала она с милой улыбкой.

Макс и Рон не возражали. Они наполнили бокалы мозельским вином.

– Твоё здоровье, Рон.

– Твоё здоровье, Макс.

Встреча в офисе Макса была назначена на следующее утро.

Эрна встретила Рона приветливой улыбкой и провела в кабинет. Войдя, он остановился в дверях и с любопытством, смешанным с удивлением, окинул взглядом помещение. Даже не сразу обратил внимание на Макса, поднявшегося из-за стола ему навстречу. Наконец он закончил этот беглый осмотр и пожал протянутую руку.

– Доброе утро, Макс. Ты, должно быть, большая шишка в «Эрдойль». Какова твоя должность?

– Вице-председатель Совета директоров. Курирую зарубежную разведку.

– Вот как! А я-то хотел соблазнить тебя консультацией проекта, – усмехнулся Рон. – И всё-таки ты проявил явный интерес к моему предложению. Почему?

– Давай уточним. Я проявил интерес не к проекту, а к методу. Ведь вы работаете прямым методом, не так ли? Ты хотя и не нефтяник, но, думаю, знаешь, что означают для геолога слова «прямой метод». Это как фата-моргана, мираж в пустыне. Было много попыток создать его, но все они окончились неудачей. Сегодня

⁹Честность, верность моральным ценностям.

почти никто не верит, что он возможен в принципе. Если хочешь, в нефтеразведке это своего рода вечный двигатель... И вдруг мой сотрудник, работавший на севере Альберты, сообщает, что некая таинственная компания «Дабл Эй» обнаружила прямым методом в том же районе месторождение Камерон. И что потом следы этой компании ведут в Австралию. Никто не знает, какова её национальная принадлежность. По слухам, она то ли итальянская, то ли южноафриканская. В общем, сплошная загадка. И вот проходят всего две недели, звонит Эсти, и я слышу от тебя по телефону это необычное для нефтяной компании загадочное название «Дабл Эй». Теперь ты понимаешь, чем вызван мой интерес?

– Более или менее. Это, конечно, кое-что объясняет. Но наш интерес по-прежнему сводится только к консультации разведочного проекта и ни к чему больше. Так получилось, что мы остались без геолога. Из-за этого пришлось остановить работы на уже открытом месторождении, и есть опасность, что мы потеряем права на концессию, если не возобновим разведку в ближайшие месяцы.

– Где находится концессия?

– В Австралии.

– Понятно. Послушай, Рон, у тебя не должно сложиться впечатление, будто я пытаюсь давить на тебя и узнать больше, чем ты хочешь или можешь сказать. Мы оба понимаем, что такое прямой метод и какова должна быть степень защиты такого изобретения и ноу-хау. И всё же я предлагаю обсудить возможность взаимовыгодного сотрудничества. Ну, например, вы могли бы, не раскрывая сути метода, выполнить работы на нашей концессии, а я мог бы сделать то, что вам нужно, в Австралии. Тебя устраивает такой бартер?

– Что ты имеешь в виду, говоря о работах на вашей концессии? И где она находится?

– Концессия Стин Ривер находится в Альберте, недалеко от Камерона. Мы выявили цепочку рифов, но они, видимо, не все нефтеносные. Могли бы вы вашим методом определить, какие из них содержат нефть, а какие нет?

– Я не геолог и не знаю, что такое рифы, – Рон улыбнулся, – но, наверное, можно просто говорить о нефтеносных и пустых участках. Да, метод позволяет распознавать те и другие с абсолютной точностью.

– Невероятно! – воскликнул Макс. – И вы могли бы это сделать для нас?

– Безусловно. Для этого нам требуются только образцы. Мы проведём анализ, и вы получите то, что вам нужно.

– О каких образцах идёт речь?

– Образцы почвы с глубины два метра.

– Нет проблем. Они у вас будут.

– Теперь о работе для нас. Хочу ещё раз подчеркнуть, что её должен выполнять геолог, которому мы можем верить, – не только в профессиональном отношении, но и в плане личного доверия. Такое условие связано с упомянутой тобой особой степенью защиты изобретения. Иными словами, этим геологом должен быть ты сам, а не кто-то другой по твоей рекомендации. Готов ли ты заняться этим делом?

– Это довольно сложно, учитывая мой статус. Но я что-нибудь придумаю. Могу гарантировать, что информация в полном объёме будет только у меня. Любой другой участник работы, а это может быть кроме меня только один человек, не получит доступа ко всем материалам и представления о проекте в целом.

– Всё это требует серьёзного обдумывания и обсуждения, – сказал Рон. – В любом случае, доступа к аппаратуре и ноу-хау не будет даже у тебя. Ты сможешь пользоваться только итоговой картой с результатами анализа образцов и материалами бурения. Но даже эти материалы может видеть абсолютно надёжный человек, которому мы будем полностью доверять. Извини, но таково условие владельца компании.

– Звучит очень таинственно и даже пугающе. Вероятно, у вас имеются веские основания для таких жёстких ограничений. Ни с чем подобным я раньше не сталкивался. Поэтому прежде чем принять решение, я должен понять, во что мне предстоит ввязаться. Послушай, Рон, не мог бы ты всё-таки кое-что рассказать обо всей этой истории. Не о методе, а о том, что произошло. Я чувствую здесь какую-то тайну. Ну, например, почему вы остались без геолога?

– Хорошо, я расскажу. Но только в самых общих чертах. И абсолютно конфиденциально.

– Разумеется, – заверил Макс.

После продолжительной паузы Рон начал свой рассказ. Он говорил очень скупно, тщательно выбирая слова. Макс видел, что он избегает малейшего намёка на физическую природу метода, всего, что могло бы пролить свет на назначение аппаратуры и измеряемый параметр. Когда он закончил, наступило долгое молчание. Наконец Макс нарушил его.

– Очень необычная история. Настоящий триллер. Я бы хотел задать несколько вопросов.

– Задавай. Отвечу, если смогу, – сказал Рон.

– Итак, все ваши проблемы начались с катастрофы самолёта. Что это был за рейс? И кому принадлежал самолёт?

– Это был небольшой самолёт «джет-командер», который мы зафрахтовали у компании «Внутренние австралийские авиалинии».

– И что, других пассажиров на нём не было?

– Нет. Только четверо наших сотрудников. Два изобретателя метода, один из них геолог, и два охранника.

– Причины катастрофы установлены?

– Да, взрыв на борту.

– Вот как. Значит, не технические неполадки и не ошибка пилота. У вас есть какие-то версии?

– Не версии, а уверенность. Мы знаем, кто это сделал.

– И?

Возникла долгая пауза.

– Они наказаны, – наконец сказал Рон.

– Каким образом?

– Адекватно, – ответил Рон после ещё более долгой паузы.

– Понятно. И последний вопрос. Кто это был? Я имею в виду – конкуренты, охотники за изобретением или какие-то наёмные убийцы?

– Тебе лучше этого не знать, Макс. Ты получил достаточно информации, чтобы, по твоим словам, понять, во что тебе предстоит ввязаться. Прежде, чем что-либо решать, можешь всё обдумать и взвесить. Я не спешу и ни на чём не настаиваю.

– Да, конечно. Подумать никогда не мешает. Всё это настолько отличается от привычных интриг и разборок в мире нефтяного бизнеса, что здесь есть над чем поразмыслить. Давай продолжим разговор завтра, если не возражаешь.

– Хорошо. До завтра.

Как только Рон ушёл, Макс позвонил Пауэллу.

– Дейв, как у вас дела с запиской о «Дабл Эй»?

– Она почти готова. Я получил кое-какую дополнительную информацию из Австралии.

– Зайдите ко мне. И захватите всё, что у вас есть.

Через несколько минут Пауэлл появился в кабинете.

– Ну, что вам удалось выяснить? – спросил Макс.

– Два года назад они работали на блоке Уинтон, в штате Квинсленд. Пробурили три разведочные скважины, все нефтяные. Так же, как и в Альберте, до бурения

не проводили сейсмику. Потом вдруг законсервировали скважины и прекратили работы. Правда, у них случилась неприятность – в авиакатастрофе погибли два сотрудника. Мне даже прислали факс с газетной заметкой об этом. Вот она, – Пауэлл вынул из папки текст.

Макс прочитал: «Авиационная катастрофа... Взорвался в воздухе... Уцелевший ноутбук... За двадцать минут до взрыва напечатан текст... В серой зоне миллиардных прибылей... Алекс понимал, что, работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с её смертельными схватками...» Внезапно у него возникла какая-то смутная реминисценция. Ему вдруг вспомнилась встреча с брокером Дитрихом Хаузером и та необъяснимая интуитивная догадка о сделке между Келлером и Пауэллом, которая, казалось бы, появилась ниоткуда, просто из воздуха, и которая потом полностью подтвердилась. Нечто наподобие этого пришло ему в голову и сейчас.

– Дейв, вы говорите, блок Уинтон? А кто работал на соседнем блоке? – спросил Макс.

– Не знаю.

– От кого вы получили все эти данные?

– От моего приятеля. Он начальник земельного отдела в Управлении минеральных ресурсов штата Квинсленд.

– Так, – Макс взглянул на часы, – сейчас в Квинсленде шесть тридцать вечера. Рабочий день закончился. Но, может быть, нам повезёт и ваш приятель немного задержался. Позвоните ему прямо отсюда. Если не застанете – звоните домой. Вопрос один – кто был соседом «Дабл Эй»?

Пауэлл подошел к телефону и набрал номер.

– Хелло, Стив. Это Дейв Пауэлл. Поймал тебя в дверях? Мне повезло. Не буду долго задерживать. Один короткий вопрос – кто работал или работает на блоке, соседнем с Уинтон? «Альбион Энерджи»? Спасибо, Стив.

– Я слышал – «Альбион». Спасибо, Дейв, – сказал Макс. – Оставьте все материалы у меня.

После ухода Пауэлла Макс позвонил Конраду Кернеру, начальнику отдела технической информации.

– Конрад, мне срочно нужна информация по компании «Альбион Энерджи». Тема – производственные аварии, катастрофы, несчастные случаи за последние два года, повлекшие гибель персонала. Найдите эти данные в Интернете и сразу же перешлите на мой компьютер.

Информация на компьютере Макса появилась через десять минут.

... Пожар на нефтяной скважине в Нигерии. Погибли двое рабочих.

... Перевернулся трейлер с трубами в Индонезии. Погиб водитель.

... Взрыв на нефтехранилище в Перу. Погибли двенадцать человек.

... Авария вертолёта в Северном море. Погибли восемь человек, включая президента компании Энтони Крейга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссона.

Макс посмотрел на дату. Между взрывом самолёта над Австралией и аварией вертолёта над Северным морем прошёл ровно год. Вспомнились слова Рона Бермана: «Наказаны адекватно». Почему-то в памяти вдруг всплыли газетные сообщения о сенсационной операции «Энтеббе» и отстреле арабских террористов по всей Европе после гибели израильских спортсменов в Мюнхене. Сходный почерк, подумал он.

Итак, скупой рассказ Рона обрёл недостающие детали. Таинственная история ожила и наполнилась плотью и кровью. Да, и кровью. Она присутствует в этом «наполнении» не как лексическая фигура, а как трагическая реальность, подумал Макс. Теперь остаётся решить главный вопрос – нужно ли ему ввязываться в эти дела? Стоит ли прямой метод тех смертельных схваток, о которых писал за двад-

цать минут до гибели неизвестный ему Алекс? Память услужливо подбросила закон Мэрфи: «У любого великого изобретения есть недостаток – технический или моральный – равный или превышающий по своему значению само изобретение». Прямой метод уже унёс больше десятка жизней. И эта цифра вряд ли окончательная. Не превысит ли такой «недостаток» значение самого изобретения?

В мире нефтяного бизнеса существуют и процветают многие жёсткие и жестокие формы борьбы, цель которой – полное устранение конкурента. Хотя формально дело никогда не доходит до физического устранения, но в действительности люди, потерявшие работу и надежду, нередко уходят не только из бизнеса, но и из жизни. Наиболее агрессивным и безжалостным видом схваток между компаниями является тейквер¹⁰, или захват конкурента. Во многих странах такие действия запрещены антимонопольным законодательством. Однако финансовый выигрыш зачастую перевешивает риск уголовного преследования. К тому же отработаны изощрённые способы обойти закон. Делается это путём внезапной массивной скупки акций намеченной жертвы с целью получения контрольного пакета. После этого жертва поглощается и переваривается новым хозяином в прямом смысле слова. Её предприятия, нефтяные месторождения, рыночная инфраструктура, финансовые активы становятся его собственностью, а большая часть работников выбрасывается на улицу. Оставляется лишь сокращённый обслуживающий персонал производственных объектов. Процесс почти физиологический и напоминает пожираение сильным хищником слабого с захватом ареала его обитания. От такой тактики до взрыва самолёта – один шаг...

Бывает также внутренний тейквер, когда какой-либо член Совета директоров скупает акции через подставных лиц с целью стать контролирующим акционером и захватить власть в компании. Макс вспомнил, что подобный случай рассказан Арманом Хаммером в автобиографической книге «Свидетель истории». Некто Дэвид Мэрдок, член Совета директоров компании «Оксидентал», владевший пятью процентами акций, попытался таким способом сбросить самого Хаммера и завладеть компанией. Хаммер отбил нападение. Мэрдок был вынужден продать ему свои акции и уйти из «Оксидентал».

Интересно, подумал Макс, а не пыталась ли «Альбион Энерджи» добраться до прямого метода иными путями? Неужели сразу такой крайний способ, как физическая ликвидация? Рассказать об этом может только Рон. Но он вряд ли сделает это. И всё же завтра надо будет попытаться получить от него дополнительную информацию. Но это завтра... А сейчас нужно разобраться с главным вопросом – ввязываться или не ввязываться? Макс знал, что испытанный способ решения любой сложной проблемы – это подход к ней с разных направлений. Одно направление лежит на поверхности – оценка риска и для себя лично, и для «Эрдойль». За методом уже тянется кровавый след, и не учитывать его было бы непростительно. Другое направление тоже достаточно очевидно – оценка потенциального выигрыша, финансового и технологического. Есть ещё и третье направление, требующее некоторого воображения, – поставить вопрос таким образом: много ли найдётся нефтяных компаний, которые отвергли бы предложение «Дабл Эй» о взаимовыгодном сотрудничестве? После недолгого размышления Макс пришёл к выводу, что любая компания посчитала бы это предложение, при всех его «за» и «против», счастливым лотерейным билетом, мощным рывком в конкурентной борьбе. Ему этот билет выпал случайно, благодаря Эсти. Случайно ли? Он вспомнил, что совсем недавно проблема случайности и предначертанности уже будоражила его мысли. В связи с чем это было? Ну, конечно же, – он сидел в хранилище швейцарского банка и пытался понять, как это всё могло произойти? Что это было – хаотическое нагромождение случайностей или судьба? И вот перед ним

¹⁰ Takeover – англ.

снова стоит этот сакраментальный философский вопрос. Тогда, в Женеве, он твёрдо решил, что, несмотря на кажущуюся цепь случайностей, которая привела к судьбоносному повороту в его жизни, всё было предопределено и неизбежно. Не так ли обстоит дело и сейчас? Предложение Рона – это не случайный лотерейный билет. Это ещё одно звено в цепи предначертанных событий, которые контролируют его жизнь. Последние сомнения отпали. Макс стало ясно, что он не должен отказываться от сотрудничества с «Дабл Эй».

Утром, ровно в девять, Макс и Рон встретились снова и продолжили разговор. Теперь Макс знал намного больше, чем вчера, о том, что произошло в Австралии. И решил, что нет смысла скрывать полученную информацию. Он полагал, что это побудит Рона быть более открытым и откровенным.

– Ну как, Макс, ты принял решение?

– Да. Я готов к сотрудничеству на ваших условиях. И поскольку оно предусматривает полное взаимное доверие и обмен информацией – в допустимых пределах, разумеется, – то я должен кое-что сообщить тебе.

И Макс рассказал о результатах собственного расследования. Рон слушал молча, не прерывая и не комментируя. Когда Макс закончил, он встал и прошёлся по кабинету, обдумывая услышанное.

– Видишь ли, Макс, каждый имеет право искать по собственным каналам дополнительную информацию о потенциальном партнёре по бизнесу. Это общепринятая практика. И вчерашнее расследование говорит о серьёзном подходе с твоей стороны. Но оно завело тебя слишком далеко, в область фантастических предположений и спекуляций. Из всего, что ты рассказал, могу подтвердить лишь два факта. Первый – мы действительно работали на блоке Уинтон. И второй – виновные в гибели наших людей наказаны. Это я сказал тебе вчера. А кто они такие и кто за ними стоял – это только твои догадки. Мало ли сколько самолётов и вертолётов разбились через полгода, год или полтора года после того трагического события в Австралии. Извини, но я не могу обсуждать с тобой этот вопрос.

– Хорошо. Забудем об этом. Я лишь хотел, чтобы между нами не было недомолвок. Теперь ты знаешь, что я провёл расследование и пришёл к некой версии. Если она не соответствует действительности, тем лучше. Но скрывать это я не считал нужным.

– Понимаю. Ну что ж, по главному вопросу мы договорились. Ты поможешь нам закончить разведку в Австралии, а мы сделаем для тебя работу в Канаде. Теперь мне надо вернуться в Израиль и сообщить об этом боссу. После этого составим детальный план. Обсудим его при следующей встрече. Я улетаю сегодня вечером. Эсти решила остаться на неделю. Если сможешь, удели ей немного внимания.

- Постараюсь. Когда твой рейс?
- В двадцать пятнадцать.
- Я подброшу тебя в аэропорт.
- Спасибо.

Окончание следует